

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС ОРЛОВ

ЛОВУШКА ДЛЯ ЗМЕЙ

УШЕДШИЕ ТУДА НИКОГДА
НЕ ВОЗВРАЩАЛИСЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Тени войны

Алекс Орлов

Ловушка для змей

«Автор»

2001

Орлов А.

Ловушка для змей / А. Орлов — «Автор», 2001 — (Тени войны)

Двое друзей, Джим и Лу, спасаясь от преследующих их боевиков мафии, отправляются на самодельном летательном аппарате из родного Таураса в город Кинто. После нападения летающих чудовищ они совершают вынужденную посадку в таинственной и гибельной зоне под названием Чаша, образовавшейся в кратере «Чаша радости». Уходившие туда исследователи не возвращались, авиалайнеры исчезали без следа, но картографические спутники не фиксировали в Чаше ничего особенного – внешне она представляла собой безжизненную пустыню. Джим и Лу оказались в тропическом лесу на берегу озера. Впереди их ждет знакомство с миром, которого нет.

© Орлов А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	10
5	12
6	15
7	16
8	18
9	19
10	21
11	24
12	28
13	32
14	34
15	37
16	38
17	40
18	42
19	44
20	47
21	49
22	51
23	53
24	55
25	56
26	58
27	60
28	63
29	64
30	66
31	68
32	70
33	72
34	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Алекс Орлов

Ловушка для змей

1

Начиналось все как обычно – так было и с другими.

Бил Першил, исполнявший обязанности местного профсоюзного босса, явился на участок Джимми Кэша и Лу Эрвиля и сказал, что договор с ними продлеваться не будет.

Собственно, он мог этого и не говорить, поскольку напарники уже давно ожидали подобного хода администрации.

Во-первых, Джимми не сошелся характером с мастером участка – рыжим Гофманом. Во-вторых, за Джимми таскалась дочка сэра Твилкинса, который владел половиной завода. И в-третьих... Впрочем, и этих двух пунктов вполне хватало. А Лу Эрвиль был здесь вовсе ни при чем, но поскольку он уже давно работал с Джимом в паре, то автоматически попал в разряд увольняемых – за компанию.

– Ну и чего смотришь? – угрюмо спросил Кэш у Першила. – Мы тебя поняли, теперь можешь проваливать. Или хочешь, чтобы мы работу прямо сейчас бросили – пускай колонна заморозится?

– Нет, отчего же. – Першил замотал головой. – Это вовсе не означает, что нужно все бросить прямо сейчас. Просто я не хочу, чтобы вы, ребята, подумали, будто мне нравится сообщать людям подобные новости.

– А что, не нравится? – дурашливо удивился Лу Эрвиль. – Может, ты не знал, что твое дело – защищать нас от увольнения, поскольку мы платим взносы, парень, на которые ты существуешь?

– Брось, Лу, – усмехнулся Джимми. – Такой дом и такую машину, как у Першила, одними взносами не поднимешь. Здесь пахнет деньгами дирекции. Ведь так, Билли?..

– Хотел с вами как с людьми, а вы... – Першил неловко потоптался и, воспользовавшись шипением возгоночной колонны, покинул участок.

«Ну вот и все, – подумал Джим. – Тут тебе и пенсия, и учеба – все побоку».

Словно на личного врага, он посмотрел на запачканный рудной пылью блок управления, за которым ему пришлось стоять последние пять лет. Теперь эту привычку следовало забыть и искать кусок хлеба в других местах. А в каких других, если производство падало на всех предприятиях Тауроса и никому не нужные люди слонялись по затененным уродливыми громадами компакт-хаусов улицам городских окраин?

– Эй, Джим, ты что, уснул? – недовольно спросил Лу.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Кэш тряхнул головой и включил подачу пара. Его жесткая струя ударила в стенку колонны, и та завибрировала от напряжения, излучая во все стороны избыточное тепло.

Джим невольно сравнил свое состояние с состоянием перегонной установки. То же кипение внутри и невозможность выбросить наружу всю скопившуюся внутри дрянь. Оставалось только излучать свою бессильную досаду.

2

В раздевалке особенно разговаривать ни с кем не пришлось. Народу становилось все меньше, и осиротевшие шкафчики беспомощно таращились открытыми дверцами.

Джим снял каску, респиратор и не глядя швырнул их на полку. Затем туда же полетели рукавицы и небрежно скомканный комбинезон. Стоявший рядом Лу неодобрительно покачал головой. Ему при любых обстоятельствах удавалось сохранять приверженность порядку.

Между тем Джим, как флагом, взмахнул полосатым полотенцем и зашагал в душевую. Там он на полную мощность включил воду, но тут же сработал регулирующий датчик, и на голову Кэша полилась регламентированная струйка жидкости.

– И что ты этим хочешь доказать? – спросил Лу, вставая в соседнюю кабинку.

Джим ничего не ответил и только зло растирал себя колючей мочалкой, будто наказывая тело за случившуюся неприятность.

Когда они уже одевались, Кэш наконец вспомнил, на ком он может отыграться. Конопатый Левис давно уже нарывался на драку, а сейчас Джиму было просто необходимо с кем-то подраться.

– Я сейчас, – буркнул он Эрвилю. А затем добавил: – Захвати мою сумку.

И побежал мимо немногочисленных рабочих новой смены, стремясь поскорее добраться до раздевалки заготовительного цеха.

Вот и их желтые шкафчики, и – удача! – сам Левис сидел на длинной скамье, словно бы приглашая Джима двинуть ему по физиономии. Кэш уже занес руку, но что-то в позе Левиса заставило его остановиться.

– Ты чего? – глухо спросил его недавний враг.

– Это... – растерялся Джим. – Хотел врезать тебе...

– Ну так врежь, – покорно согласился Левис и даже недоуменно пожал плечами – дескать, о чем тут говорить, бей на здоровье.

– Тебя тоже уволили? – наконец дошло до Кэша.

– Ну да.

– И что теперь?

– Еще не знаю, – ответил Левис и горько усмехнулся. Джиму стало не по себе от усмешки Левиса, у которого было двое детей и больная мать. Все они жили на зарплату своего единственного кормильца.

– Можно попробовать рвануть в Кинто. Там, говорят, дела получше.

– Везде одинаково, – обреченно пробормотал Левис и еще ниже опустил отяжелевшую от невеселых дум голову.

Кэш молча развернулся и пошел обратно, стараясь изгнать мысли о Левисе. В конце концов, тот был настоящим сукиным сыном, и Джим наверняка врезал бы ему, не получи Левис увольнительного листа. А ехать в Кинто – это, конечно, не каждому по карману. Билет стоил не меньше тысячи, а Левису приходилось расходовать все до последнего кредита.

«И я не в лучшем положении, – подумал Джим, – вбухал все свои денежки в недоделанный лонгсфейр. Ну кто же знал, что этот кризис налетит так неожиданно?»

У выхода из производственной зоны Кэша поджидал Эрвиль. Он передал Джиму сумку и, внимательно осмотрев его лицо, сказал:

– Что-то непохоже, что ты нашел Левиса. Или он быстро сдался?

– Бедняга тоже попал под сокращение, – хмуро обронил Кэш, и они направились к зданию заводоуправления.

У самого подъезда на небольшой стоянке было припарковано несколько дорогих автомобилей, принадлежащих заводским боссам. Рядом, зорко приглядываясь ко всем проходящим

мимо, стоял высокий сержант-охранник с длинным стеклом в руке. Опасное оружие подрагивало стальным наконечником, и сержант то и дело перекладывал его из руки в руку.

Джим поежился. Как-то раз, примерно год назад, полицейский приложил его такой штуковинкой. Всего один раз, зато пришлось отлеживаться три долгих дня.

На входе в корпус управления другой охранник потребовал предъявить пропуска, и Кэш с Эрвилем подали ему свои синенькие карточки. Охранник на них едва взглянул и тут же бросил в ящик стола.

– Эй, а как же мы получим расчет? – спросил Джим. У него мелькнула мысль подраться хотя бы с этим охранником. Однако тот был настроен более чем миролюбиво.

– Идите так, ребята, расчет уже оформлен, и ваши «гробовые» никуда не денутся.

Кэш с Эрвилем переглянулись, но, не найдя что ответить, стали подниматься по лестнице на второй этаж.

Экономический департамент предприятия поражал чистотой и безупречной отделкой стен. Джим невольно бросил взгляд на свои запыленные ботинки и оглянулся, чтобы посмотреть – не оставляют ли они следов. Коридоры здесь казались такими длинными, что, наверное, тянулись до горизонта, а одинаковые двери хранили покой своих обитателей и отличались друг от друга только номерами.

Не успел Лу сказать Джиму, что не знает, куда идти, как прямо над их головами из динамика послышался голос охранника:

– Вам нужен двести восемнадцатый номер...

– Спасибо, друг, – ответил Джим, обращаясь к голубоватому глазу телекамеры, и, подойдя к нужной двери, тихонько в нее стукнул.

– Входите! – отозвался совершенно нейтральный голос, не отражавший никаких эмоций и даже половой принадлежности.

Кэш толкнул дверь и вошел в небольшую светлую комнату, разгороженную тремя письменными столами.

– Ваши имена, господа? – спросило существо неопределенного возраста с коротко стриженными, крашеными волосами и длинным носом, на котором удобно сидели очки.

– Джим Кэш и Лу Эрвиль, – за обоих представился Джим.

– Очень хорошо, – ответило конторское существо и, заглянув в компьютерный терминал, несколько раз долбануло скрюченным пальцем по клавиатуре.

Двое других сотрудников – мужчина и молодая женщина, – не поднимая голов, продолжали изучение бумаг, цифры в которых они сличали с показаниями на экранах.

– Ага, – снова повторило существо. – Кэш и Эрвиль...

– Так точно, – не удержавшись, подтвердил Джим. Его почему-то очень занимало, кто перед ним – мужчина или женщина.

– Расчет за месяц плюс тысяча кредитов от дирекции... Штрафы и удержания? Тэкс-тэкс, штрафов и удержаний нет... Рудольф, будьте добры, рассчитайте этих господ, – сказал бесполой субъект, и Рудольф, сохранявший торжественность агента похоронного бюро, поднялся со стула и, подойдя к шкафу, распахнул створки.

Джим и Лу переглянулись. Снизу и до самого верха внутренности шкафа были заполнены «гробовыми» – так называли рабочие прозрачные пакеты с последними деньгами уволенных и с краткими выписками об их трудовой деятельности.

Найдя пакеты, Рудольф прижал их одной рукой к груди, а другой аккуратно прикрыл шкаф. Затем повернулся и вопросительно уставился на руководящее лицо.

– Отдайте, – разрешило лицо, и Рудольф протянул пакеты их владельцам.

3

Проходная предприятия «Холистер плант» осталась позади, и только высокие конструкции возгонных колонн, опутанные обслуживающими площадками, высились над корпусами управления, словно неумытые гиганты над чистенькими и ухоженными карликами.

– Чего оборачиваешься? – спросил Эрвиль.

– Да так, смотрю на нашу колонну. Кто-то теперь будет на ней работать в первую смену?..

– А может, ее совсем остановят.

– Может, и остановят, – согласился Джим и стал прислушиваться к голосам птиц, доносившимся из окружавшего «Холистер плант» парка.

В городах любое предприятие изолировали от жилых кварталов километровым лесным массивом. Однако впереди, сквозь дымку смога, уже просматривался частокол компакт-хаусов и чувствовалось смрадное дыхание огромного мегаполиса.

Парк кончился, и показалась станция монорельса. Не дожидаясь новых пассажиров, очередной состав со скрежетом унесся в сторону города, и ждать следующего предстояло не менее четверти часа.

– Нужно взять жетоны, – напомнил Лу. – Теперь у нас нет карточек и нужно платить за проезд, как всем.

– Да, – кивнул Джим. – И это тоже.

Купив жетоны, они бросили их в накопитель и прошли на пустую платформу.

– Что будешь делать со своим лонгсфейром? – неожиданно спросил Эрвиль.

– А что с ним делать? – Джим вздохнул. – Если бы не это увольнение, я бы его месяца за три доделал и мог бы продать, а так – разве что за бесценок.

– Но ведь ты говорил, что он у тебя уже летает.

– Поднимается в воздух, но на маршевых скоростях его использовать нельзя. Поток воздуха сорвет с сиденья.

– Жаль, – покачал головой Лу и проводил взглядом высокую девушку. – Если бы доделал, мы прямо на нем рванули бы в Кинто.

– Шутишь? Прямо через Чашу?

– А что, горючего бы не хватило?

– На одном баке можно пролететь полторы тысячи километров, если не будет встречного ветра. А если подвесить дополнительный, то как раз можно перепрыгнуть и Чашу.

– Можно перепрыгнуть, – почти не слушая, кивнул Эрвиль, заглядевшись на девушку.

Она нагнулась, чтобы поправить туфлю, и Лу поцокал языком.

– Ты чего? – спросил его Джим, который мысленно был в своем боксе, где хранился лонгсфейр.

– А вон девушка – просто мечта, а денег нету.

– У тебя в кармане почти две тысячи.

– Да ты что? Это ж вырванные у эксплуататоров. Нам могли и этого не дать. Нет, я не сумасшедший, чтобы с этой длинноногой просадить их в один вечер.

– Просади в два, – усмехнулся Джим, глядя, как на изгибе монорельса появляется приближающийся состав.

– Слушай, а тебе не кажется, что она похожа на Нену?

– Давай без намеков. Мы с тобой из-за этой Нены и пострадали...

– Вот и делай после этого добрые дела.

– Именно так, – согласился Джим.

Состав плавно притормозил и остановился. Створки дверей неслышно скользнули внутрь стен, и на платформу вышли несколько человек. Вместо них в вагоны забрались другие люди, и монорельс начал набирать скорость.

Джим занял пустующее место у окна, Лу сел рядом с ним, и оба уставились на неприветливые пейзажи городской окраины.

Пустые стройплощадки и незавершенные здания как нельзя лучше иллюстрировали состояние экономики. И хотя все считали, что в Кинто работа есть, могло выйти так, что и там лишние люди никому не требовались.

Кэш вспомнил о том случае, когда он так некстати познакомился с Неной, дочерью мистера Твилкинса. Это произошло полгода назад.

Джим прогуливался по Цветочной площади, поджидая человека, который собирал один из сложных узлов для его лонгсфейра. Человек не появился, и Джим с испорченным настроением отправился домой, а в подземном переходе наткнулся на компанию молодых подонков, которые рвали одежду с какой-то хрупкой девчонки.

Их было семеро, и, будь Джим в норме, он бы хлопнул по полицейской кнопке, которая располагалась на стене всего в двадцати шагах от места происшествия. Но настроение было испорчено опозданием компаньона, и Кэш вступил в неравный бой.

Поначалу, ошелолив врага внезапным наступлением с тыла, он стал одерживать победу, но потом хулиганы вытащили ножи и бросились на Кэша с вполне определенной целью.

Его спас костыль, который он позаимствовал у нищего. Это было настоящее оружие профессиональных попрошайек, и у Кэша был опыт владения таким костылем.

Одним словом, когда прибыл полицейский патруль, поле боя осталось за Джимом, а сам он отделался несколькими синяками и парой неглубоких порезов.

Затем в полицейском участке им с Неной оказывал помощь врач, и девушка, едва оправившись от шока, смотрела на своего избавителя широко раскрытыми восторженными глазами. Кэшу уже тогда показалось, что такое обожание в ее глазах не принесет ему ничего хорошего. И, как выяснилось позднее, он оказался прав.

Поначалу мистер Твилкинс хорошо отнесся к героическому поступку рабочего его собственного предприятия, но после того, как Нена расторгла помолвку с одним из видных представителей своего класса и заявила родителям, что видит своим мужем только настоящего героя – Джимми Кэша, папаша Твилкинс в корне изменил отношение к этому герою.

Кроме того, Нена начала появляться на проходной, встречая Кэша после смены, и это, понятно, его не слишком радовало.

Мало того, что над ним смеялись его товарищи, но еще и сама Нена слишком увлекалась диетами, а Кэшу нравились девушки с формами.

Одним словом, холодность избавителя заставляла девушку биться дома в истерике, и накотившийся кризис окончательно свел к нулю шансы Джима удержаться на своем месте.

«Вот и делай после этого добрые дела», – вспомнил он слова Лу и невесело усмехнулся.

Зашипели пневматические тормоза, и монорельс стал сбрасывать скорость, преодолевая последние метры дневного света. Секунду спустя он уже нырнул в тень первого компакт-хауса.

4

У проходной общежития для рабочих Джим и Лу расстались – они жили в разных стволах здания.

– Я загляну к тебе вечером, помозгуем, что делать дальше, – сказал Эрвиль.

– Хорошо, – махнул в ответ Джим и вошел в трубу мини-лифта, такую узкую, что у полных людей возникали трудности. Но простому работяге была по карману только жизнь в компакт-хаусах, особенно если он намеревался отложить пару сотен на черный день.

Пропыхшая перегретым уплотнителем кабина взлетела на двести сорок восьмой этаж и остановилась так резко, что Кэш едва не вышиб головой низкий потолок. Впрочем, это было обычное функционирование лифта, в котором напрочь отсутствовали дорогостоящие демпферы.

Оказавшись на своем этаже, Джим едва разошелся в тесном коридоре со знакомым парнем, который потерял работу неделей раньше и теперь пил все дни напролет.

– Как дела, Кэш-работяга? – беспричинно веселым голосом спросил знакомый, коснувшись Джима потным животом.

– Хреново, – честно признался тот.

– Ну и ладненько. – Знакомый шагнул в лифтовую кабину и унесся вниз, словно перегруженная пневмопочта.

– Ну и ладненько, – автоматически повторил Джим, дотрагиваясь до дверного приемника магнитной бляшкой.

Дверь убралась вверх, и Кэш оказался на пороге своего дома – минимизированного обитаемого пространства в шесть квадратных метров. Одна кровать, при желании раздвигающаяся в полуторную. Столик-тумбочка, он же и бельевой шкаф, туалет тентового типа с откидывающимся унитазом, такая же плоская пристенная раковина умывальника и водоструйное устройство, похожее на элемент писающего мальчика.

Не снимая обуви, Джим хлопнул рукой по небольшой кнопке, располагавшейся возле двери. На индикаторе загорелась цифра 8 – стало быть, в запасе было около получаса. Кэш сбросил тяжелые ботинки и потрогал крышку пищевого блока – небольшой умной штучки, похожей на сливной бачок авторской конструкции. Блок был оснащен современной биодиффузной пушкой и мог приготовить почти триста видов растительной и животной ткани с коэффициентом приближения девяносто два процента.

Кэш слышал, что небольшое изменение построительных кодов давало возможность получать разных диких животных вроде мышек и вашингтонских тараканов, которые также годились в пищу, но были значительно питательнее. Однако он боялся ноблей, которые выскакивали из таких вот улучшенных пищеблоков в каждом из десяти миллионов случаев. Что было причиной их появления, никто не знал, а эксперты указывали на сбой высокочастотных генераторов и ошибки в программах построительных кодов.

Хотя самих ноблей видели только единицы, кадры «работы» этих тварей частенько показывали в вечерних новостях. Обезображенные трупы с выеденными внутренними органами демонстрировали чудовищные возможности непонятных существ, возникавших из стандартных пьезобелковых таблеток.

Приподняв крышку, Джим проверил, как набухает биомасса тунца и разрастается желеобразная культура зеландского салата. Ничего похожего на нобля не было, и Кэш спокойно опустил крышку. Затем бросил взгляд на индикатор ожидания возле двери. Очередь шла быстро, и ждать оставалось не более десяти минут.

Джим разделся и включил новости. Что происходило в мире, его интересовало мало, но плоский экран с движущимися фигурками создавал впечатление окна. Настоящих окон

в компакт-хаусах не было, поскольку это увеличивало расходы на поддержание оптимальной температуры.

Наконец пришла его очередь мыться, и душевая кабина звякнула за створками стенного шкафа. Затем те разошлись, и Кэш шагнул внутрь пахнувшего дезинфекцией отсека.

Разразилась мыльная вьюга, и тело Джима забросало белоснежной пеной. Не теряя времени, он стал работать банной щеткой и уложился в три отведенные ему минуты. Полилась вода, а еще через минуту Кэш, привычно стряхнув щетку, вернулся в свое жилище. Вот теперь он чувствовал себя чистым – полоскание в заводской душевой было не в счет.

За спиной хлопнули створки, и кабина поехала дальше, на ходу дезинфицируя свои внутренности.

Не успел Джим одеться, как в дверь постучали.

– Кто там? – спросил он.

– Это я, – ответил женский голос, и Кэш узнал Абигайль.

Она, случалось, оказывала ему небескорыстные услуги, но сейчас Джиму ничего не хотелось.

– Ты чего пришла? – спросил он через дверь.

– К тебе, – послышалось в ответ.

Кэш призадумался. С одной стороны, открывать дверь Абигайль ему не хотелось, а с другой – она оставалась ему должна пятьдесят кредитов – как раз за один сеанс. И если они с Эрвилем все же решат сорваться в Кинто, эти пятьдесят кредитов так и пропадут, поскольку найти Абигайль при необходимости было невозможно.

– Ладно, – сказал Джим больше для себя, чем для своей гостьи, и открыл дверь.

5

Абигайль вошла в крохотную комнатку, как хозяйка. Впрочем, Джим подозревал, что в жилище любого мужчины она чувствовала себя вполне комфортно.

– Ой, какой ты чистенький! – пропела Абигайль, ткнув пальцем в плечо Кэша. – Обожаю чистеньких.

– Я спешу, Бигги, – сказал Джим.

– А вот это плохо. Женщине таких вещей не говорят. Даже той, которая берет у тебя немножко денег...

Абигайль позволила себе лукавую улыбку и, тут же переходя на деловой тон, осведомилась:

– В койке?

– Ну... – пожал плечами Кэш.

Поскольку он собирался всего лишь взять долг, фантазия его не работала.

– Слушай, если тебе все равно, лучше как-то возле стеночки. Я, если ты заметил, новую прическу сделала. – Бигги подцепила длинный локон и, оттянув в сторону, отпустила. Он тут же собрался в первоначальную пружинку. – Мы с мужем на шоу собрались, поэтому прическа мне дорога...

– Нет проблем, я согласен.

– Отлично, – кивнула Абигайль и стала привычно сбрасывать с себя одежду, живописно раскладывая ее предметы на кровати. Бигги была натурой художественной, и это отражалось в каждом ее движении и действии. – Ты помнишь Манон, Джимми? – спросила она, вставая так, чтобы Кэшу было удобнее.

– Да.

– Тут как-то встречаю ее в центре. Она вся такая упакованная... Ой... Говорю ей: «Привет! Откуда ты такая?» Ой...

«Какая она все же странная, – размышлял Джим, возвращая свои пятьдесят кредитов. – Абигайль очень странная. Очень...»

Между тем забытый TV-бюкс из-за неисправности сам увеличил звук, и к прерывистой скороговорке Бигги, повествующей о разговоре с Манон, которую Джим ни разу не видел, добавился взволнованный голос диктора:

– ...рубежные посты трижды открывали огонь, однако, как сообщил нам командир заградительного отряда капитан Кларенс, не исключено, что одному из нарушителей удалось прорваться через границу и зону отчуждения...

«О чем это они?» – отвлекся Джимми и, взглянув на экран, увидел крупную фотографию страшноватого на вид субъекта. Маленькие, глубоко посаженные глаза и высокие скулы отличали его от обычных людей. Еще, пожалуй, слишком бледное лицо.

«Интересно, что будет, если полететь на лонгсфайре через Чашу и совершить вынужденную посадку? – между тем размышлял Кэш. – Эти твари сожрут нас живьем?»

Голос Абигайль вернул его к реальности:

– Такая вот история, Джимми, а ведь мы были почти что лучшие подруги. А теперь вот разругались... Ой, Джимми! Полегче, пожалуйста.

– Извини.

Наконец все закончилось, и вслед за новостями начался фильм, который Джим уже видел.

Бигги стала одеваться, ни на минуту не прекращая говорить, будто дала клятву посвятить Кэша во все секреты.

– Как твой муж? – спросил он, чтобы хоть как-то остановить этот словесный поток.

– Гектор? А что ему, он в полном порядке, жена пашет, как какой-нибудь трелевочный трактор, а его, видите ли, уволили.

– И меня тоже уволили...

– Тебя-то за что? – удивленно спросила Абигайль. – Ну прямо поветрие какое-то, честное слово! Всех мужиков увольняют, что же делать нам, слабым женщинам?..

– Говорят, в Кинто есть работа.

– В Кинто? – переспросила Абигайль, глядя в зеркальце и подправляя свой макияж. – В Кинто мой Гектор не поедет. Ему при мне удобнее. Никаких проблем. Да, кстати, Джимми, когда занимаешься сексом, нельзя смотреть TV-бокс. Да. И дело тут не в уважении к партнерше, какое нынче уважение, я же понимаю. Дело в том, что это может привести к холодной икоте.

– У кого?

– Что у кого? – не поняла Бигги, убирая в сумочку зеркальце.

– Икота у кого будет?

– У мужчины, конечно, ведь это он новости смотрит. Ты зря улыбаешься, котик. Мой Гектор до того дозлоупотреблялся, что теперь начинает икать, едва включает TV-бокс. Так-то.

Наконец за Абигайль закрылась дверь, и эта непоседа застучала каблучками по коридору, спеша то ли к мужу, то ли всего лишь на следующий этаж. Абигайль была непостижима.

Оставшись один, Джим заглянул под кровать и достал оттуда свернутые в трубку листы чертежного пластика. Сняв тугую резинку, он раскинул чертежи прямо на полу и стал рассматривать препарированный лонгсфейр, додумывая появившуюся у него мысль.

«Если поставить сюда лобовой отражатель, – размышлял Кэш, – то можно вовсе обойтись без корпуса».

Ему приходилось видеть подобные лобовые отражатели у айрбайков. Правда, у тех скорость была не более двухсот километров, а хороший лонгсфейр на движках А-4 мог преодолеть скорость звука.

Правда, на А-4 у Джима денег не наскреблось, однако этого и не требовалось. Впрочем, он и не собирался летать на лонгсфейре с лобовым отражателем, поскольку это было бы полным безумием. Просто эта мысль показалась ему интересной – только и всего.

Свернув чертежи и запихнув их обратно, Джим прибавил громкости TV-боксу и снова попал на новости. Речь опять шла о проникновении обитателей Чаши в город. Такое случалось и раньше, но сейчас почему-то этому придавалось большое значение. Возможно, потому, что на данный час ничего более ужасного в мегаполисе не случилось.

Между тем диктор провел краткий экскурс в историю и сообщил, что Чашей эта зона стала называться потому, что образовалась в кратере «Чаша радости». Однако с самого начала она не приносила колонистам ничего хорошего. Уходившие туда на разведку геологи не возвращались, летательные аппараты беспричинно падали и разбивались, а картографический департамент недоумевал, поскольку его спутники не фиксировали в Чаше ничего особенного и внешне она представляла собой безжизненную пустыню.

Тем не менее такое, казалось бы, страшное место привлекало к себе многих людей. Драгоценные руды залегали по периметру ее границ, и постепенно с двух сторон Чаши выросли гигантские перерабатывающие комплексы, неизбежно породившие мегаполисы Таурос и Кинто.

В дверь снова постучали, и Джим поднялся с кровати, чтобы открыть. Он даже не спрашивал кто, по стуку поняв, что это Лу Эрвиль.

– Привет! Валяешься? – бодро спросил Лу, но, едва повеяв носом, сразу погрузился.

Кэшу не нужно было объяснять, в чем тут дело. Бедняга Эрвиль был безнадежно влюблен в Абигайль, попавшись на ее крючок после первого же свидания. Он даже сделал ей предложение и потребовал, чтобы она развелась с мужем.

Бигги было лестно слышать такое, однако она не смешивала чувства с работой и лишь принимала подарки Эрвиля, включая и духи за четыреста кредитов, которыми пользовалась до сих пор. Именно их безошибочно засекал Лу и сразу расстраивался.

– Ничего не было, Лу, – соврал другу Кэш. – Она была должна мне пятьдесят кредитов и занесла долг, а потом отправилась с мужем на шоу.

Джим опасался, что Эрвиль потребует предъявить ему эти пятьдесят кредитов, но тот был рад полученному объяснению и вопросов не задавал.

– Да нет, Джим, на самом деле Абигайль меня больше не заботит. Пусть устраивает свою жизнь, как посчитает нужным. Она свободный человек.

– Вот именно, – согласился Кэш.

– Предлагаю прошвырнуться по городу. Возможно, нам в голову придет какая-то умная мысль и...

– ...мы помчимся в порт, чтобы взять два билета до Кинто, – закончил за него Джим.

– Может быть, и так.

6

Только на шумных улицах города Джим полностью осознал, что теперь он не имеет работы, а стало быть, остался без средств к существованию. Ему казалось, что все вокруг должно остановиться и замереть, но ничего подобного не происходило, и толпы прохожих по-прежнему текли по улицам в разных направлениях, а автомобилисты все так же злились в плотных пробках, выделяющих в атмосферу отравляющие газы.

Кэш и Эрвиль бродили по городу уже битых два часа, но никакие гениальные мысли их не осеняли, а витрины дорогих магазинов только напоминали, что отсчет времени начат и непополняемые средства уходят, как вода в песок.

Оба понимали, что в Тауросе оставаться дальше нельзя, однако никто не гарантировал, что в Кинто найдется работа и не придется ночевать на улицах, истратив деньги на недешевые билеты.

Стало смеркаться. Устав от бесцельного блуждания, Кэш и Эрвиль спустились в торговый комплекс, чтобы съесть в кафе по паре бутербродов.

Забравшись на высокие неудобные табуреты, они подавленно взирали на фланирующую публику, у которой, по всей видимости, денежки еще водились. Существовала целая прослойка жителей города, ходивших в магазины ради развлечения. Люди получали удовольствие от покупок ненужных товаров, и подобные увеселения всегда злили Джима.

– Ты только посмотри на этих разодетых индюков, Лу! Неужели им все еще не хватает шмоток, что они обвешиваются этими коробками, как какие-то... выюнные козлы?

– Они тебя раздражают? – спросил Эрвиль, потягивая дешевую колу.

– Ну еще бы. Какой смысл покупать тряпки, если дома их полно!..

Эрвиль улыбнулся. Некоторая неопытность в делах житейских не мешала ему обладать интуитивной мудростью.

– Думаю, они удивились бы, Джим, если бы узнали, как ты исходишь слюной в магазинах разных технических железок... Подбираешь смазочные масла, какие-то трубочки, газовые подшипники. По их мнению, увлечение подобными вещами тоже является полным и законченным диагнозом.

– Ну, это ты не равняй, – не согласился Кэш. – То, чем увлекаюсь я, процесс творческий, а эти свиньи только потребляют. Именно потребление является для них главным.

– Это все равно что ругать тех, кто любит вкусно поесть и выпить настоящего вина. Скажешь, это тоже плохо?

– Не скажу, что плохо. Скажу – отвратительно. Например, я обхожусь тем, что мне дает пищеблок и пьезобелковые таблетки.

– Это на здоровье, только не нужно всех принуждать пожирать эту гадость.

– Ты задница, Лу. Задница долбаного пролетария, – с чувством выговорил Джим.

– Увы, ты не прав, – развел руками Эрвиль, – теперь я безработный. Пошли-ка лучше домой. Наверное, сегодня не тот день, когда в голову приходят умные мысли.

– Но приходят непрощенные гости... – тихо произнес Кэш, глядя на приближавшуюся группу уличных бандитов.

7

На душе у Хэнкса Дефлектора пели весенние птицы, а прожаренный городской воздух благоухал, как степной букет. Сегодня сам Джованни Перло сказал Хэнксу: «Теперь, парень, ты один из нас».

Вы не знаете, кто такой Джованни Перло? Джованни Перло – это два универмага в западной части города, это полсотни баров, четыре клуба и десять публичных домов. Джованни Перло – это проплаченная полиция, протекция мэра и нити, уходящие в региональное правительство.

Таких людей по эту сторону Чаши было меньше, чем пальцев на одной руке. Они предпочитали не затевать в городе войны и все вопросы решали миром. Однако хочешь мира – готовься к войне, поэтому все боссы содержали изрядное количество солдат, которые контролировали законную территорию боссов и следили за тем, чтобы там было все в порядке.

Пушерам следовало торговать наркотиками, проституткам – своим телом, а лохам полагось дергать за рычаги игровых автоматов. Всему надлежало происходить именно так, а не иначе, поскольку порядок обеспечивал непрерывное течение денежных ручейков в главное русло, которое, в свою очередь, впадало в бездонные карманы босса Джованни.

И именно он сказал Хэнксу: «Теперь, парень, ты один из нас», да еще дружески потрепал его по щеке. Хэнкс едва не расплакался.

Потом он имел разговор с боссом помельче – Альваро Меркано. Тот был невелик ростом, однако обладал немигающим взглядом, который, по слухам, мог увидеть любую зарождавшуюся измену в самом начале.

– Твои люди пока что уличная банда, сынок, – сказал Альваро, впиваясь в Хэнкса своими зрачками. – Им нужно многому научиться, и в первую очередь дисциплине.

– Я понимаю, синьор Меркано.

– Одного понимания мало, сынок. Нужны действия... – прервал Хэнкса Альваро. Ему не нравилось, что этот ублюдок с улицы осмеливался произносить без разрешения какие-то слова. – Сегодня пройдете по своему излюбленному маршруту, где вы обычно задирали прохожих и вырывали у старушек сумочки...

В этом месте синьор Альваро позволил себе презрительную улыбку, показывая, как он относится к Хэнксу и его банде необузданных молокососов.

– Так вот, пройдете по тому же маршруту, но теперь уже как настоящие пехотинцы босса Джованни. Невозмутимо и с достоинством...

Синьор Альваро даже приосанился, показывая, как именно должно выглядеть достоинство пехотинцев босса Джованни.

– А теперь можешь задать мне пару вопросов, – наконец сказал он.

– А что мы должны делать, синьор Альваро? – спросил озадаченный Хэнкс.

Он был уверен, что ему поручат разобраться с какими-нибудь крутыми парнями, к каковым он себя также причислял. Погони, скрежет автомобильных покрышек и стрельба от бедра из автоматического оружия – таким представлялось Хэнксу его первое задание. А тут – пройдитесь с достоинством!

– Я же сказал: только пройдетесь, и на этом все. Никого не трогать и не задевать.

– Но... но если какая-то тварь вдруг будет угрожать нашей жизни, синьор Альваро!..

– Ну, если вопрос пойдет о жизни и смерти, тогда вступайте в бой – ничего не поделаешь. Но в таком случае никаких шуток и полумер быть не может. Нож просто так не вынимать и пистолетом над головой не размахивать. Понятно?

В голосе Альваро все так же звучали презрение и издевка, однако Хэнкс их не слышал, мысленно примеряя на себя новое амплу достойного человека.

Впрочем, делать было нечего. Никто его не тянул за язык и не заставлял набиваться в работники к боссу Джованни. Дефлектор буквально преследовал одного знакомого гангстера, чтобы тот нашел ему «хорошее применение», и тот при случае замолвил слово. У мистера Перло как раз намечалось расширение штатов, и уличных оболтусов решили взять на воспитание. К тому же и стоили они недорого.

Хэнкс Дефлектор вернулся к своим друзьям, окрыленный высоким доверием, начисто позабыв про свое удивление. Теперь он сам, тем же насмешливым тоном, разъяснял членам шайки, почему нельзя громко сквернословить, плевать на пол и хватать за грудь приглянувшуюся девушку.

– Теперь мы пехотинцы босса Джованни, ребята. И никто не смеет переступить нам дорогу. Вам понятно?

– И даже ребята с Блэк-Энда? – гундосо переспросил парень по прозвищу Семафор, которому неделю назад сломали в Блэк-Энде нос.

– Блэк-Энд – обычная уличная шпана, дружище, а мы профессионалы. Мы наемники – псы войны! – уже закричал Хэнкс так громко, что несколько бродяг, копошившихся у мусорных баков, оглянулись.

– Ну, насчет псов войны ты немного загнул, – возразил Томато и поиграл мышцами лица. Затем задумчиво перекинул из руки в руку кастет и добавил: – Мы еще не псы войны – факт.

– Но будем! – уверенно пообещал Хэнкс.

– Это ясен пень, – согласился Томато.

8

Обычно Хэнкс Дефлектор выступал впереди войска, состоящего из тридцати двух головорезов, но на этот раз он решил взять с собой только пятнадцать человек – тех, кто, по его мнению, выглядел наиболее прилично и походил на достойных пехотинцев босса Джованни.

После более чем усиленного инструктажа бойцы Дефлектора чувствовали себя скованно и делали странные вещи, совершенно не свойственные им прежде.

Например, Семафор при входе в подземку придержал стеклянную дверь, чтобы та не ударила старушку. Да еще добавил при этом:

– Осторожнее, бабуля...

Дружки как по команде уставились на него с таким видом, будто у Семафора свалились штаны.

Другой случай – Томато. Он по настоянию Хэнкса не доставал из кармана кастет, а чтобы занять руки, купил в киоске журнал. Именно купил, а не выхватил первый попавшийся из рук зазевавшегося прохожего. Впрочем, журнал не мог заменить кастета, и Томато сосредоточенно мял бумагу узловатыми пальцами, чувствуя с непривычки легкое головокружение и тошноту.

Обитавшие в переходах нищие, которых Хэнкс регулярно грабил, при появлении отряда в кожанках моментально попрятались, однако громилы даже не посмотрели в их сторону, следя за своей осанкой и походкой.

На пересечении подземных частей Сороковой и Триумфальной улиц вся группа остановилась у общественного туалета. Раньше для физиологического облегчения годился любой угол, однако теперь менялось буквально все.

Подавая личный пример, Хэнкс первым вошел в туалет и прежде всего остановился возле умывальника, чтобы сплюнуть. Раньше он не задумываясь плевал на стены и не подозревал, что эта привычка стала для него необходимостью, почти такой же важной, как дыхание. От долгого воздержания во рту у Дефлектора образовалась неприятная сухость, и он опасался, что это отразится на его здоровье.

Из кабинки вышел Синий Кактус. Цепь с шипами, которую он прежде повязывал в качестве пояса, была спрятана под куртку, и Кактус выглядел как обычный человек. Правда, сейчас он заметно нервничал.

– Там это... – сказал он, кивая через плечо. – Вода...

Хэнкс внимательно посмотрел на своего друга и не сразу понял, что тот только что спустил за собой воду. Когда же до него дошло, он захотел похвалить Кактуса, но потом решил не делать этого, а лишь сказал:

– Это же нормально, Синий.

9

Далее обход территорий происходил без приключений, и группа Хэнкса, спустившись еще на пару ярусов, двинулась вдоль вереницы стеклянных дверей универмага «Маршалл».

Ярко освещенные торговые залы изливали свет в сумрачную галерею и создавали атмосферу праздника, а возбужденные покупками посетители универмага придавали этому ощущению большую достоверность.

– Клево, – не выдержал Семафор. – Прямо как на День независимости. Не хватает только салюта.

Остальные его поддержали, поскольку настроение у всех было приподнятое. Мучительный обход был практически закончен, и можно было подняться наверх и в каком-нибудь проходном дворе снова почувствовать себя человеком.

– Эй, Хэнкс, – остановился вдруг Томато. – Кажется, я вижу одного знакомого парня.

– Ну и что?

– А то, что он мне чуть башку не разбил...

– Кто?! Где?! – вскинулся Дефлектор и, проследив взгляд Томато, тотчас узнал своего давнего обидчика. – Точно! Он!

– Валим его, Хэнкс?! – уточнил Синий Кактус, и в его голосе слышалось зарождавшееся возбуждение.

– Валим однозначно, Синий, – подтвердил вожак. – Валим.

Заметив движение группы хулиганов, посетители небольшого кафе стали быстро расходиться, подхватывая покупки и оставляя недоеденные бутерброды.

Увидел их и тот парень, с которым они собирались разделаться.

– Окружайте гада! – скомандовал Хэнкс, и в его руке блеснуло тонкое лезвие ножа.

Кактус развернул свою цепь с изогнутыми шипами, а Томато, отбросив измятый журнал, поудобнее перехватил кастет.

Из задних рядов выскочил боец Хэнкса по прозвищу Бешеный и, размахивая отточенным крюком, бросился на прижатых к стойке врагов.

– Осторожнее, он шустрый! – предупредил Дефлектор Бешеного, однако тот уже получил по голове пустым кофейником и рухнул на пол.

Встретив такой яростный отпор, громилы на секунду остановились, и этого хватило, чтобы оба их врага перепрыгнули через стойку и оказались в небольшой импровизированной крепости.

Дефлектор крикнул от досады и метнул нож. Он просвистел над ухом одного из противников и вонзился в пластиковую панель. В ответ обороняющиеся окатили людей Хэнкса кипятком, и несколько человек пострадали. Бедняги побросали ножи и стали орать дикими голосами, а в это время оба виновника скрылись за служебной дверью.

Кактус запоздало шваркнул цепью по стойке и, перепрыгнув через нее, помчался в погоню. Дефлектор последовал за ним, увлекая за собой всех, даже ошпаренных, и вскоре банда неслась по запутанным коридорам, при случае нанося удары всем, кто попадался под руку. Постепенно крашенные стены подвальных помещений сменились коридорами с грубой каменной кладкой, местами попорченной сыростью.

Томато со злости разбил пару валявшихся в пыли писсуаров, а затем и лицо человеку в спецодежде электрической компании. Остальные работники сетей успели разбежаться.

– Ну и где мы теперь? – спросил Кактус, едва переводя дыхание после быстрого бега.

– А хрен его знает, – пожал плечами Хэнкс. – Давайте пойдем туда. – Он неопределенно махнул рукой в сторону узла, из которого расходилось несколько сумрачных коридоров.

Чтобы собрать остальных членов банды, пришлось покричать, но эхо искажалось в туннелях и возвращало назад чужие тяжкие стоны, как будто обитатели земельной толщи стучались в кирпичные стены и просились на свободу.

Эффект был жуткий, и Хэнкс начал громко ругаться, чтобы подбодрить себя и остальных.

Проплутав в сырых переходах с полчаса, Хэнкс и его люди, сломав пару решеток, оказались в складском помещении универмага. Они были обессилены и подавлены, а потому жестоко избили кладовщика, поставив ему в вину, что он «старый козел».

Однако на выходе их уже ждали усиленные полицейские наряды, и первый глоток свежего воздуха был сопровожден нестерпимо ярким светом и командой через мегафон:

– Оружие на землю, руки вверх, подонки! Вы у нас на мушке!

Щурясь от мощных прожекторов, Хэнкс тут же поднял руки, а следом за ним, побросав ножи и кастеты, стали сдаваться и остальные.

– Рассредоточиться! – продолжал надрываться мегафон. – Рассредоточиться вдоль стены, руки за голову!

Бандиты не стали сопротивляться и выполнили приказание. Только после этого из-под прикрытия полицейских машин стали выходить патрульные, вооруженные штатными дробовиками.

– А ты, значит, у них главный? – спросил Хэнкса офицер, кричавший в мегафон.

– Вроде так, – нехотя ответил Дефлектор и тут же получил в живот стальным кулаком.

– Когда с тобой говорит лейтенант Стиллер, подонок, ты должен отвечать «так точно», – пояснил офицер. – Поднимите его, что-то он плохо себя чувствует.

Двое патрульных защелкнули на запястьях Хэнкса наручники, а затем дернули его вверх, будто какую-то дохлую кошку.

Между тем остальные члены банды уже были скованы наручниками, и их по одному рассаживали в прибывавшие машины. Собравшиеся по такому случаю зеваки одобрительно кивали головами, соглашаясь с методами полицейских.

– Я... я работаю на Джованни Перло... – произнес Дефлектор, как только смог восстановить дыхание.

– Правда?! – обрадовался лейтенант. – А дочку мэра ты случайно не трахаешь?

С этими словами Стиллер выдал серию ударов по ребрам Хэнкса, и тот потерял сознание.

10

Когда все арестованные были распределены по местам, полицейские машины выстроились в длинную колонну и с включенными сиренами поехали в управление.

Зеваки начали расходиться, и спустя десять минут уже ничто не напоминало о таком заметном происшествии. Лишь после этого дверь порномагазина, стоявшего через улицу напротив, приоткрылась, и оттуда вышли Эрвиль и Кэш.

Лу держал в руках глянцевого журнала «Очевидно, но просто невероятно», а Джим довольствовался коробочкой с надувной девушкой «беби-супер».

Они постояли у выхода пару минут, наблюдая за проносящимися по ярусам автомобилями, а затем Лу выдохнул воздух и произнес:

– На этот раз, кажется, пронесло.

– Да ладно, пустяки какие, – отмахнулся Джим, отмечая, что коленки еще предательски подрагивают. – Пошли лучше домой.

– И как можно скорее, – согласился с ним Эрвиль. – А то у меня такое ощущение, что за нами кто-то наблюдает.

– Да будет тебе! – не сдержавшись, воскликнул Кэш и стал обеспокоенно вертеться. – Кому мы нужны, Лу? А что касается этих ребят, так это те, которых я поколотил, когда спасал Нену. Ладно, пойдем отсюда, просто это место такое – нехорошее.

И они двинулись по улице, сначала немного скованно, с опаской вглядываясь в лица прохожих, но постепенно от ходьбы тревога отступала, и вскоре друзья были готовы шутить над тем, что с ними приключилось.

– А ты здорово саданул того парня чайником, Джим!

– А ты ошпарил их кипятком! Они орали, как поросята!

– Точно, в следующий раз будут обходить нас стороной... – заявил Лу, но, поняв, что сказал, добавил невесело: – Или просто прирежут по-тихому.

– Да брось ты, их теперь упекут за решетку надолго, – попытался успокоить друга Джим, однако сам не очень верил в сказанное.

– С другой стороны, – задумчиво произнес Эрвиль, – это знак, что нам нужно убираться в Кинто. Раньше здесь не было работы, а теперь вдобавок не будет спокойной жизни.

– С чего ты взял? Таурос огромный город. Вероятность нашей с ними встречи ничтожна.

– Мальчики-и! – неожиданно прозвучал хриловатый женский голос, не лишенный мелодичности.

Лу и Джим остановились, и от стены к ним шагнула девушка в высоких сапогах и короткой шубке из искусственного меха.

– Вижу, вы нуждаетесь в женском участии, – произнесла проститутка.

– Да нет, мы в полном порядке, – заверил ее Лу.

– Я подарю вам клиентские карточки со скидкой пятнадцать процентов... – пропела девушка и, распахнув шубку, продемонстрировала свою витрину.

– Спасибо, мисс, но нам сейчас не нужно, – возразил Джим.

Девушка запахнула шубку, и ее лицо сделалось злым.

– А зачем тогда вам эти журнальчики, ребята? А в коробочке подружка резиновая – я не ошиблась?

– А это не наше! – брякнул Лу.

– Ну да, мы на улице нашли, – соврал Кэш и потащил Эрвиля за руку.

– Онанисты несчастные! – крикнула им вслед проститутка и снова прилипла к стене, высматривая других клиентов.

– Слушай, давай выбросим эту гадость, а то нас все за извращенцев принимать будут, – предложил Лу, когда они уже отошли от места оскорбления.

– Ну вот еще! Я за «беби-супер» у Бушманского два квадратных метра пластика выменяю.

– Зачем тебе пластик – из него корпус к лонгсфейру все равно не построишь.

– Корпус не построишь, а лобовой отражатель сделать можно.

– Ты же закрыл тему со своим летающим монстром, Джим. Или нет? Зачем он тебе? Лучше поищи, кому это железо можно сбыть. Может, выручишь за него хоть несколько сотен.

Пару минут они шли молча, слушая звуки вечернего города, а затем Эрвиль внезапно остановился и обернулся, вглядываясь.

– Ты чего? – спросил его Джим.

– Ты знаешь, у меня опять это чувство...

– Что за чувство? – снова спросил Кэш, хотя понимал, о чем речь. Он и сам ощущал это.

– Ну, как будто нам в спины кто-то смотрит.

– Да никто не смотрит. Это у тебя нервное. Давай разоримся на такси и доедем домой без проблем.

– Давай, – согласился Кэш. – Впервые за столько времени наш бетонный ящик кажется мне родным домом.

Такси подвернулось как нельзя кстати, и скоро Лу и Джим оказались возле высокого бетонного обелиска, который считался их домом.

Голые стены, устремленные ввысь, были похожи на странное шоссе, ведущее в небо. Иногда созерцание компакт-хауса в такое время суток вызывало у Джима необъяснимые ощущения нереальности происходящего. Лишь мерцающие на его вершинах габаритные огни не давали Кэшу полностью погрузиться в это непонятное состояние. Вот и сейчас, едва он вышел из такси, как взгляд его невольно приковали острые углы компакт-хауса и лишенные окон бетонные плоскости.

Между тем возле широкого подъезда – входа в этот человеческий термитник – никогда не прекращалась суетная деятельность живых существ.

– Эй, Джим, вон Абигаиль, – заметил Эрвиль.

Кэш тотчас отвлекся от созерцания бетонного колосса и, опустив взгляд до уровня человеческих лиц, действительно увидел Абигаиль. Она как раз закончила разговор с каким-то щеголем у его автомобиля и пошла навстречу Джиму и Лу.

Бигги выглядела очень хорошо. Шоу, на которое она ходила, явно пришлось ей по душе.

– Привет, мальчики, – светясь неподдельной радостью, поздоровалась она.

– Здравствуйте, Абигаиль, – со скрытой дрожью в голосе произнес Лу, спрятав за спину порнографический журнал.

– Привет, – буркнул Кэш, не ожидая от ситуации ничего хорошего.

– Джимми, я уже освободилась, – начала Бигги, – может, нам еще разок? Сегодня днем было очень здорово. В чем дело? Ты не хочешь?..

Джим отчаянно гримасничал и косил глазами на Лу, чтобы Бигги поняла, но у нее было хорошее настроение, и она не замечала никаких знаков.

– Так... значит, вот ты как... Джим! – перейдя на фальцет, выкрикнул Лу и, сорвавшись с места, побежал ко входу.

– Лу! Постой, Лу! – попытался задержать приятеля Кэш, но Эрвиль унесся как ветер.

– Что это с ним? – удивленно спросила Абигаиль.

– Не прикидывайся, ты ведь знаешь, что этот парень в тебя влюблен по уши.

– Но это ж как давно было – уже, наверное, полгода. Я и думать забыла, – развела руками Бигги.

– Ты испортила человеку настроение, Бигги. Я ведь сказал ему, что ты приходила сегодня, чтобы отдать мне пятьдесят кредитов.

– А как он узнал, что я приходила?

– Очень просто – по запаху духов, которые он тебе подарил.

– Вот это нос у человека!

– Это не нос, это любовь, Бигги. А ты ведешь себя как... как... Я даже слов не найду.

– Ой, подумаешь, слов не найдет. Что же мне, из-за его любви теперь работу бросать?

– Не знаю, – пожал плечами Джим. – Ну ладно, я лучше пойду.

11

Резиденция Джованни Перло находилась в пятидесяти километрах к северу от города и представляла собой островок настоящей живой природы с деревьями, зеленой травой, прудами и красивыми белыми птицами, плавающими по водной глади.

Среди красноватых пустошей, преобладавших в этом неприветливом краю горняков и геологов, зеленый остров Джованни Перло смотрелся как райский уголок, как самый оптимистичный из миражей.

Вылизанное частное шоссе, с желтой разметкой и аккуратными столбиками на крутых поворотах, извивалось между нагромождений красноватого камня. А похожий на жука-плавунца автомобиль, тяжелый от навешенной брони, быстро катился по дороге, спеша доставить пассажира к назначенному часу.

Босс Джованни дорожил своим временем, однако Альваро Меркано он принимал в любые часы.

Передатчик на капоте машины принял сигнал и ответил на запрос «свой – чужой». Спрятанные под дорожным полотном фугасы тотчас встали на предохранители и пропустили машину дальше.

Покрышки прошелестели на повороте, и автомобиль пересек несколько лучей. Коэффициенты отражения попали в расчетное устройство, и оно тоже послало свои команды. На вершине одинокой скалы серебристые корпуса ракет вернулись в каменные убежища в ожидании другого случая.

Лакированный броневик качнулся уже на последнем препятствии и проскользнул между створками ворот, открывшихся словно по мановению волшебной палочки.

Сидевший на заднем сиденье Альваро Меркано облегченно вздохнул. Он не доверял всем этим системам безопасности, которые так нравились Перло. Альваро слишком хорошо помнил, как происходили испытания этих «рубежей безопасности» – так называл их умник, который все это проектировал.

Тогда в машину посадили двух охранников Перло, и они поехали к дому. Они миновали все ловушки, но напоследок машину разнесло ракетой. То ли она чего-то не поняла, то ли так и было задумано боссом, но Альваро крепко запомнил этот случай, и всякий раз, когда ему случалось ехать в резиденцию Перло, он на протяжении всей дороги чувствовал спиной это бешеное железо, готовое вырваться из своих нор и покарать любого, на кого наведет электронный глаз.

Длинный автомобиль заскользил по виноградной галерее, едва не касаясь синеватых дымчатых гроздьев, напоенных соком искусственных питательных растворов.

Миновав ансамбль фигур, выполненных из чудесно подстриженных кустов, машина вкатилась под навес из ниспадающих цветущих лиан и оказалась перед одним из особняков резиденции. Джованни дал ему название – «Чайный домик». Что это означало, Перло, конечно, не знал, но в среде заживших гангстеров он слыл человеком просвещенным.

Дверца машины тихо скользнула в сторону, а часть потолочной панели поднялась вверх, чтобы пассажир мог выбраться с максимальными удобствами. Сам Альваро считал это излишеством, но машина принадлежала боссу, и тут спорить не приходилось.

– Добрый день, сэр, – поздоровался Люк Вентура, шагнувший к Меркано со ступенек дома. – Босс примет вас сейчас же. Прошу вас.

– Хорошо, – кивнул Альваро, а Вентура развернулся и пошел вперед, указывая дорогу, которую гость и так знал.

Альваро смотрел на широкую спину Люка и удивлялся: еще недавно этот парень ворочал бочки на одном из складов города, а теперь уже заправляет местной канцелярией Перло. Ну

да, он прославился после семидневной войны с людьми Гарри Шервуда, но это не повод для рискованных перемещений.

«Нужно будет намекнуть Джованни при случае», – сделал про себя отметку Альваро, ощущая неловкость оттого, что он вдвое ниже Люка, вдвое старше и костюм у него вчетверо дешевле. Но что поделаешь, во времена молодости Альваро гангстеры не щеголяли туалетами от персональных портных. Сейчас времена другие.

– Теперь сюда, сэр, – произнес сопровождающий, заметив, что гость отклонился от маршрута.

– А разве кабинет босса не там? – удивился тот.

– Нет, сэр, по соображениям безопасности кабинет был перенесен в другое крыло.

– Я не знал... – пожал плечами Альваро и снова пошел за Вентурой, опустив глаза в пол, не замечая дорогой обивки стен и аляповатых картин, купленных у самых раскрученных художников.

Наконец Вентура остановился возле дверей, по одному виду которых можно было понять, что за ними скрывается что-то чрезвычайно значимое.

– Мистер Альваро Меркано, сэр! – произнес Люк, как настоящий дворецкий, и двери раскрылись сами собой, впуская в освещенное умеренным светом пространство, в центре которого на неудобном деревянном стуле сидел Перло.

– Дорогой друг! – воскликнул он, подражая какому-то персонажу, и, поднявшись, пошел навстречу Альваро, заранее раскрыв дружеские объятия. – Дорогой Альваро, как я рад тебя видеть!

Казалось, Перло действительно был рад. От сухого, жилистого тела Меркано веяло какой-то старинной уверенностью и надежностью, теми временами, когда за безопасность босса отвечал человек с большим пистолетом, а не хитроумные машины, спрятанные во всех углах и норовившие ошибиться в самый ответственный момент.

А такие люди, как Альваро Меркано, не ошибались. Это знал Перло, и этого опасались соратники новой волны, вроде того же Люка Вентуры.

– Проходи, я приготовил для тебя угощение – немного сладостей в старом наполийском стиле.

Перло подтолкнул гостя, и тот занял указанное место. Затем Меркано бросил быстрый взгляд на шикарный костюм Вентуры, и Перло, заметив это, произнес, не оборачиваясь:

– Ты можешь быть свободен, Люк.

– Да, сэр.

Вентура выскользнул за двери и неслышно притворил их за собой, однако Меркано был уверен, что этот щеголь еще стоит за ними.

– Как тебе мой «Чайный домик», Альваро?

– С тех пор как я был здесь последний раз, босс, все сильно переменялось, – ответил Меркано, делая акцент на последнем слове.

– Что такое «босс», Альваро? Для тебя я Джованни или ты забыл?

– Не забыл, Джованни.

– Вот и чудесно. Давай попробуй орехи, пей эспериос – словом, угощайся. Сначала угощение, потом дела.

– Да, Джованни, – согласно кивнул гость и, отломив кусочек засахаренных орехов, положил в рот, затем отпил горячий эспериос.

– Ну, что скажешь? Как в старые добрые времена?

– Да, Джованни, – снова повторил Альваро и отодвинулся от стола.

– Вижу, что ты хочешь о чем-то спросить...

– Твой кабинет был в другом месте.

– Да, ты это правильно заметил, но Люк растолковал мне, что его можно атаковать ракетой прямо, знаешь, там, у восточного Кибуца.

– Но это ж как далеко, Джованни, – осторожно заметил Меркано.

– О, ты не знаешь, как шагнули вперед современные технологии, Альваро. Эти теперешние ученые такие штуковины выдумывают, что просто закачаешься. Может, хочешь сигару?

– Нет, спасибо, давно отвык.

– Правда? А я и не знал.

– Просто мы давно вот так не встречались – все чаще в городе.

– Да, – согласно кивнул Перло. – И ты знаешь, город стал сильно утомлять меня. За последние несколько лет он превратился в настоящий сумасшедший дом. Эти эмигранты так перенаселили его, что у меня нет слов.

– Больше людей – больше денег, Джованни.

– Тут я с тобой согласен.

Перло вздохнул и, решив, что перебрал уже все отвлеченные темы, спросил:

– Как дела на фабрике?

– Хорошо. Товар отгружаем, задержек с поставками нет.

– Что говорят люди, их все устраивает?

– Пока устраивает, но через пару недель стоит подкинуть им денег – это поднимет твою репутацию.

– Если нужно подкинуть, значит, подкинь. Я тебе доверяю...

– Спасибо, Джованни.

– Как дела на улицах?

– В общем-то порядок, но один из новичков засыпался.

– Кто?

– Этот Дефлектор, которого ты по морде похлопал.

– Это который рыжий, что ли? – не смог вспомнить Перло.

– Нет, не рыжий. Рыжего ты погладил по голове, а Хэнкса Дефлектора по роже и сказал что-то вроде, что теперь мы все вместе. А потом, когда он вышел за дверь, ты добавил, что он похож на покойного Тедди Митчела...

– А! – Перло хлопнул себя по колену. – Вспомнил! Когда ты сказал про Тедди Митчела, я вспомнил! Но Тедди был голова, а у этого рожа идиота...

– Ну вот именно этот парень со своей компанией шпаны попался на складе универмага.

– И что ты предлагаешь?

– Я ничего не предлагаю, Джованни. Как ты скажешь, так и будет.

– Ну, я не знаю... Помоги им, если они не замазались по самые уши. Они что, грабеж затеяли?

– Да нет. Преследовали какого-то чудака, который им раньше подгадил.

– Ну тогда помоги. Только сначала пусть легавые их проучат как следует, а потом выпустят. Нужно, чтобы ребята уяснили, что все не просто так и попадаться не годится. Да что я тебе говорю – ты сам знаешь, Альваро.

– Да, Джованни.

Они помолчали. Перло смотрел в окно, наблюдая, как новый садовник стрижет газон, а его помощник работает на клумбах. Прежнего садовника он «уволит», и его закопали возле пруда. Люк уверял, что негодяй проданся Гарри Шервуду.

– А что это за новый человек у тебя, Джованни? – неожиданно спросил Альваро.

– Ты про садовника? – не понял Перло.

– Нет, про этого – в костюме.

– А-а... – Перло улыбнулся. – Тебе тоже не дает покоя его костюм?

– А кому еще?

- Несколько человек из стареньких уже указывали мне на Люка.
- Ну а ты?
- А я не делаю поспешных выводов.

12

Тяжело лязгнула решетка «обезьянника», и этот звук заставил очнуться дремлющих в разных позах узников. Хэнкс приоткрыл глаза и, заметив уставленные на него взоры полицейских, поднялся с пола. Поддерживая авторитет вожака группы, он растянул губы в наглой улыбке и произнес:

– Что, дошло до вас, с кем имеете дело? Пришли извиняться?

– Да, ты угадал, – кивнул полицейский с нашивками сержанта и лицом бульдога. – Выходи.

Он произнес это так буднично и бесцветно, что Хэнкс заранее почувствовал себя плохо. На входе его снова заковали в наручники и повели по длинному коридору, вычищенному до блеска, но все равно хранящему какую-то неопрятность, присущую всякой несвободе.

– Стой, – скомандовал один из двух сопровождавших полицейских.

В стене открылась дверь, и Дефлектора втолкнули туда без всякого стеснения. Хэнкс пролетел до следующей стены и здорово о нее ударился.

Выругавшись и смело сплюнув на пол, он посмотрел на троих ожидавших его людей в штатском и понял, зачем его сюда вызвали.

«Бить будут, сволочи», – обреченно подумал Хэнкс. Впрочем, это легко читалось по глазам этих специалистов.

Двое из них подошли к Дефлектору, подтащили его к специальному станку, слегка приподняли и зацепили наручники за металлический крюк.

– Удобно тебе? – участливо спросил третий, стоявший у небольшого зарешеченного окна.

– Легавый! Мразь! – выкрикнул Хэнкс, болтаясь, словно подвешенный для копчения окорок.

– Ну конечно – умираю, но не сдаюсь. Похвально, однако время уходит...

И после этих слов стоявшие рядом с Хэнксом люди стали его избивать. Быстро, жестоко и очень уверенно.

Дефлектор снова начал ругаться, и поначалу казалось, что так переносить боль намного легче, однако скоро ему стало неважно.

Хэнкс раскачивался от ударов как груша, а полицейские молотили били его с оттяжкой, и было видно, что они получали от этого настоящее удовольствие.

– Да скажите же, что вам нужно-о-о?! Своло-очи! – завыл наконец Дефлектор.

Стоявший возле окна подал знак, и избивание прекратилось.

– Ты хочешь знать, что от тебя требуется? – спросил он Хэнкса.

– Д-да... – В глазах Дефлектора промелькнула искра надежды.

– Нужно, чтобы ты потерпел еще три с половиной минуты, и все.

И снова Хэнкса стали охаживать тяжелыми кулаками. Он раскачивался из стороны в сторону, охал, а человек возле окна поглядывал на часы и улыбался Дефлектору, когда тот устремлял на него полный отчаяния взгляд.

Хэнкс уже готовился к смерти, когда все неожиданно закончилось. Его сняли с крюка и, разомкнув наручники, вывели в коридор.

Как в бреду, он двигался между двумя сопровождавшими его полицейскими и совершенно неожиданно оказался на улице.

Позади хлопнула дверь, и Дефлектор вздрогнул. Он ждал очередного окрика, но вокруг был только обычный для раннего утра городской шум. Мимо Хэнкса спешили прохожие, проезжали грузовики молочной компании, а он стоял и счастливо вдыхал разбавленный ночным воздухом вчерашний смог.

Дверь полицейского участка снова открылась, и следом за Хэнксом на тротуар вытолкнули Семафора. Он так же, как и Дефлектор, находился в шоке и поначалу таращился на своего предводителя, не понимая, что произошло.

– Болит, – произнес Семафор, дотрагиваясь до своих ребер.

– Да, легавые бьют крепко, – согласился Дефлектор и не без труда вздохнул.

Дверь опять распахнулась, и на этот раз на свободе оказались Синий Кактус и Томато.

– Вот дерьмо – я все-таки жив! – воскликнул последний, размазывая по лицу кровь.

– Эй, тебя били по морде? – удивился Хэнкс и закашлялся.

– А то! – улыбнулся довольный Томато. – Я заехал сержанту в рыло! А он обработал меня дубинкой!

В следующие десять минут из участка выпроводили всех арестованных накануне членов банды, и стало ясно, что били их только для острастки, а если бы хотели покалечить, то сделали бы это быстро и умело.

– Ну что теперь, Хэнкс, по домам разойдемся? – спросил Гунни Фьючерс по прозвищу Банкир. Он был единственный во всем коллективе, кто происходил из приличной обеспеченной семьи и занимался уличным разбоем только из спортивного интереса.

Имитируя мыслительный процесс, Дефлектор пошевелил бровями и почувствовал, что даже это движение причиняет ему боль.

Неожиданно стоявший в двадцати шагах от него автомобиль коротко посигналил. Затем стекло задней двери плавно пошло вниз, и Хэнкс узнал Альваро Меркано.

– О, сэр! – обрадованно воскликнул Дефлектор и, позабыв про отбитые бока, рванулся вперед так, будто собирался протаранить автомобиль головой.

– Ну-ну, парень, все в порядке. Я же никуда не убегаю.

– О, сэр! Я знал, что вы нас не бросите! – с чувством произнес Хэнкс и наверняка облобызал бы руку Меркано, если бы смог до нее добраться.

– О чем ты говоришь, у нас не принято бросать своих товарищей. Но... надеюсь, парень, что твои ребята не обделались? Надеюсь, вы вели себя достойно в полиции? Не болтали, не просили пощады?..

– Ничего подобного не было, сэр! – с горячностью заверил Хэнкс. – Я называл их «сволочи» и еще... и еще – «легавые». Вот. А Томато дал в морду сержанту!

– Ты разговариваешь слишком громко, парень. Смотри, даже прохожие оборачиваются. У всех есть уши. У всех.

– Извините, сэр...

– Ладно, отправь своих бойцов по домам, а сам сядешь со мной в машину – нужно поговорить.

– Ага, я сейчас, – пообещал Хэнкс и метнулся к своей побитой шайке.

Тем временем Альваро отодвинулся на середину сиденья и, обращаясь к шоферу, спросил:

– Дино, твоя старая куртка – она еще под сиденьем?

– Да, синьор.

– Дай мне ее сюда, не хочу, чтобы это сучонок пачкал чехлы.

Дино сдержанно улыбнулся и протянул боссу куртку. Тот аккуратно расстелил ее на сиденье, и как раз в этот момент подскочил Хэнкс.

Водитель нажал на панели кнопку, и дверь плавно отошла в сторону. Дефлектор пробрался внутрь и поерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее. Дверь снова закрылась, и собачка замка мягко щелкнула.

– Клевая у вас тачка, сэр, – сделал комплимент Хэнкс, погладив рукой обшивку на потолке.

Альваро поморщился. Ему показалось, что грязная рука шарит по его лицу. Тем не менее он выдавил из себя улыбку и сказал:

- Пройдет совсем немного времени, и у тебя будет точно такая же.
- Хорошо бы, сэр. – Хэнкс снова поерзал на сиденье.
- Да, уверяю тебя... Дино, поезжай.

Автомобиль плавно тронулся с места и аккуратно пристроился в поток автомобилей, который набирал силу, по мере того как солнце поднималось к зениту.

– Ну, расскажи, что у вас случилось и за кем вы гнались? – задал вопрос Меркано после небольшой паузы.

- Опустили одного человека. Хотели ему должок вернуть.
- Какой-нибудь крутой?
- Да нет, сэр, вполне обыкновенный, но шустрый. Прошлый раз он несколькими моими ребятами морды дубиной расшиб.
- Понятно, – кивнул Альваро. – И что теперь думаете делать?
- А что делать?
- Ну как же, он два раза выставил вас дерьмососами – так ведь нельзя, пока он жив, позор лежит на вас несмываемым пятном.
- Да? – Хэнкс был обескуражен.
- Да. – Альваро покачал головой и отвернулся, рассматривая спешащих по тротуару прохожих.

Дефлектор подавленно молчал.

- Но что же делать? – спросил он наконец.
- Нужно найти этого ублюдка и убить, – посоветовал Альваро и прикрыл ладонью зевающий рот.
- Да, я об этом тоже думал, – признался Хэнкс. – Убить его мы сможем, сэр, но как его найти?
- Что, никаких зацепок?
- Вообще-то есть одна баба. Я ее потом в новостях видел...
- Что за баба?
- Ну, та, которую мы собирались подраздеть... – Хэнкс усмехнулся. – А тут этот парень – налетел и давай нас причесывать. Мы его, конечно, малость порезали, но он палкой здорово орудует, и еще...
- Что за баба? – резко перебил Хэнкса Альваро.
- А это... дочка Эдгара Твилкинса – он какая-то шишка на «Холистер плант».
- Это уже кое-что, – удовлетворенно кивнул Альваро. – Ладно, сделаем так: отыщут этого человека другие люди, а уж разбираться с ним будете вы.
- Это было бы отлично, сэр!
- Дино, притормози. Хэнкс выйдет здесь... – не разделяя восторга своего пассажира, скомандовал Меркано.

Автомобиль остановился, и хозяин с видимым облегчением выпустил гостя на волю.

- А что мне делать сегодня? – спросил тот, не отходя от раскрытой двери.
 - Сегодня отдыхай. Когда появятся какие-нибудь новости, я дам тебе знать.
 - Спасибо, сэр.
- Наконец дверца закрылась, и Альваро устало произнес:
- Давай на фабрику, Дино.
 - Да, синьор, – ответил тот.
 - И куртку свою возьми. Кажется, тебе придется ее выстирать, от парня несет как от козла.
 - Это от кожи, – пояснил Дино.

– От кожи? – не понял Альваро.

– Я имею в виду его штаны, синьор. Уличные бандиты одеваются в натуральную кожу и носят ее не снимая. Оттого и такой запах.

– Да? Наверное, ты прав.

Меркано потянул носом и повторил:

– Наверное, ты прав. Вруби посильнее кондиционер, эту дрянь нужно побыстрее выветрить.

– Да, синьор.

Очищенный воздух ощутимой волной прокатился по салону машины, и Альваро откинулся на спинку сиденья, размышляя о делах. И в первую очередь о новичках армии Перло.

Что касалось человека, который набил морды уличным подонкам, то Альваро против него ничего не имел. Однако волчат следовало натаскивать на свежей крови, и потому требовалось разыскать обидчика и отдать его на растерзание банде Дефлектора.

В случае необходимости даже подстраховать разборку одним или двумя профессионалами. Кто знает, насколько этот парень действительно шустрый?

Меркано снова потянул носом, однако не обнаружил посторонних запахов и произнес:

– Вонючка...

– Что, синьор? – тут же спросил Дино.

– Нет, ничего. Это я так.

13

Оглушительно шипя тормозами, поезд подземки резко остановился перед платформой, заставив качнуться всю массу пассажиров в вагонах.

Двери открылись, и раздраженные люди, выговаривая нелестные пожелания в адрес системы управления, стали заполнять перрон.

Кэш и Эрвиль вошли в полупустой вагон, и Джим сразу же плюхнулся на свободное место. Лу осторожно присел рядом с ним.

Со вчерашнего вечера он с Кэшем почти не разговаривал, выдерживая горькую обиду и с удовольствием отравляя ею собственное существование. Все попытки Джима к примирению Лу отвергал, оставаясь холодно-вежливым. В конце концов Кэш придумал хитрый ход и изменил его, едва поезд набрал скорость в туннеле.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но вчера все началось из-за тебя, – произнес Джим негромко и замолчал, ожидая реакции друга.

Эрвиль пытался держаться, но через три секунды сломался и спросил:

– Что значит – из-за меня?

– Ну, понимаешь, Абигайль пришла отдать мне пятьдесят кредитов, потом слово за слово, мы разговорились, и тут она возьми да и скажи, что ты ей последнее время все больше нравишься.

– Будет врать-то. Мы с ней не видимся.

– А... вот то-то и оно, что не видите. Разрядки-то нет, вот она и начала перебирать в голове все твои «охи» да «ахи» по ней, ну и, наверное, от этого родилось ответное чувство.

– Разве такое может быть? – осторожно спросил Эрвиль.

– Может или не может, но это свершившийся факт.

– И после этого вы с ней решили заняться сексом! – громко произнес Эрвиль, глядя на сидевшую напротив немолодую даму.

Ошеломленная женщина подобрала губы, втянула щеки и, выпучив глаза, вцепилась в массивную ручку зонта.

– Ты же знаешь, что за человек эта Абигайль, – вполголоса продолжил Кэш. – Она жаждала свидания с тобой, но прекрасно понимала, что ты ее отвергнешь...

– Я отвергну?! – Лу подскочил с места, но Джим схватил его за руку.

– Не нужно этих представлений на людях, Лу. Дослушай до конца.

Эрвиль послушно сел. Находившиеся рядом с ним люди опасливо потеснились.

– Ну так вот. Она понимала, что ты ее отвергнешь, и тогда ее воспаленный разум подсказал единственно верное, на ее взгляд, решение.

– Какое?! – дернулся Эрвиль.

– Она сказала, что я должен на время стать тобой. Понимаешь?

– Нет, – честно признался Эрвиль.

Он попал под влияние захватывающего рассказа Джима, и его недоверие постепенно рассеивалось. Впрочем, тот и сам упивался собственной ложью, развивая ее в диктуемых интуицией направлениях.

– В общем, она потребовала, чтобы я делал с ней это...

– Это...

– Да, и представляла, будто это делаю не я, а ты.

Кэш замолчал, ожидая реакции Эрвиля, но тот не проронил ни слова, пораженный масштабом замысла.

Вагон в очередной раз остановился, поменял пассажиров на свежих и покатил дальше. Кэш бросил взгляд на табло маршрутизатора и отметил, что через две остановки им выходить.

А Эрвиль продолжал молчать, и было неясно, то ли он окончательно возненавидел Кэша, то ли, наоборот, целиком принял его рассказ.

Наконец он медленно повернулся к Джиму, и в глазах его горел лихорадочный огонь нездорового интереса.

– Ну и как это было, Джим?

– О... – Кэш от неожиданности смешался. – О, это было великолепно.

– Я имею в виду, каково было чувствовать это, как я? Не как ты, а как я. Ты понимаешь?

– Конечно, Джим. Я и говорю – великолепно. У меня все не так... У меня все далеко не так...

– А что сказала Абигайль? – Лицо Эрвиля покраснелось, и Кэш начал опасаться, что у него жар.

– Она сказала... – Джим замер. Интуиция и вдохновение покинули его одновременно. – Она... она была в полном ауте и не могла сказать ни слова. Но я понял, что со мной у нее так никогда не получалось.

Понимая, что нужно заканчивать, Кэш вздохнул и подвел итог:

– Вот что было, Лу, на самом деле.

Поезд зашипел тормозами и остановился. Кэш поднялся и потянул за собой Эрвиля.

– Ты чего? – недоуменно спросил тот.

– Мы приехали, Лу. Станция «Восточный порт».

14

В просторном кассовом зале порта было довольно прохладно, но воздух оказался пересушен кондиционерами.

Лу захотелось поесть, и они с Джимом подошли к небольшому буфету, чтобы взять по булочке и по стакану колы.

– Не очень-то здесь красиво, – заметил Эрвиль, который уже полностью вернулся из мира сексуальных грез.

– Да уж, не дворец, – согласился Кэш, поглядывая на несколько длинных хвостов, тянувшихся от касс, где продавали самые дешевые билеты. И можно было не сомневаться, что все эти угрюмые люди в очередях направлялись именно в Кинто.

Эрвиль угадал мысли Джима и сказал:

– Не очень-то будет здорово, если все безработные Таураса переберутся в Кинто. Нехорошо это.

– Кому нехорошо, а кому хорошо, и даже очень, – заметил Кэш и указал недоеденной булочкой на рекламный плакат авиаперевозчика.

– И почему мы с тобой не пилоты, Джим?

– Я – пилот. Я могу управлять лонгсфейром и небольшим самолетом.

– Ну да, я совсем забыл. Кстати, ты не нашел покупателя на свой драндулет?

При слове «драндулет» Лу улыбнулся, а Кэш покосился на него неодобрительно.

– Нашел, – нехотя произнес он и одним махом допил остатки колы.

– Много дают?

– Думаю, сотен шесть вытрясу...

– А сколько ты на него затратил?

– Три с половиной тысячи...

Стеклянные двери кассового зала распахнулись, и с улицы вошли два новых путешественника. Они направились к кассам, однако почему-то их больше занимали люди, стоявшие в очереди.

– Ну что, пошли, примкнем к остальным? – предложил Эрвиль.

– А что нам остается? Примкнем.

Пока они двигались к ближайшему хвосту, прозвучало объявление, что в связи с большим спросом на направление Кинто будут организованы добавочные рейсы, а также открыты дополнительные кассы для продажи билетов.

Кассы открылись тотчас же, и толпа заволновалась, то устремляясь к новым окошкам, то возвращаясь назад. Кого-то сбили, кому-то отдавили ногу, а когда укороченные очереди вернулись к порядку, в каждой из них оказалось по несколько очагов конфликтов.

– Стадо баранов, – безапелляционно произнес Лу.

После булочки с колой его настроение улучшилось, и он был готов давать точные и жесткие определения.

– Долго стоять? – спросил Джим у последнего в очереди человека.

Тот пожал плечами и ответил:

– По-разному бывает. Но час угробим.

– Час – это немного, – заметил Лу. – Тем более что у всех, кто стоит в очереди, свободного времени хоть отбавляй.

– Тут ты прав, приятель, – согласился «последний» и без перехода добавил: – Вон какие-то рожи появились – ищут, что ли, кого-то?

– Какие рожи? – спросил Джим, однако уже и сам увидел двух незнакомцев, которые просеивали глазами толпу, а выглядели так, что было понятно, чем они зарабатывают себе на хлеб.

Кэш почувствовал в груди неприятный холод. Такое ощущение было у него предвестником неприятностей.

– А может, они не за нами пришли? – одними губами прошептал Лу.

– Может быть, – ответил Джим, прикидывая, куда здесь лучше убегать. Впрочем, пока что к ним никто не приближался, а привлекать внимание всякими резкими движениями не стоило.

– На выходе, я заметил, стоит полицейский, – вспомнил Лу.

– Да не бойся, здесь нас не тронут.

– А потом? – спросил Лу, и неожиданно лицо его стало бледнеть.

Кэш осторожно покосился в ту сторону, куда смотрел Эрвиль, и увидел, что двое мрачных субъектов приближаются.

Не дойдя нескольких шагов, они прошли вдоль всей очереди до самой кассы, а затем вернулись обратно и даже вроде бы о чем-то беседовали. Пройдя совсем близко от Лу и Джима, незнакомцы направились к выходу и ушли.

– Уф! – облегченно вздохнул Эрвиль.

– Действительно, такая жара, что даже здесь, в зале, я заметно потею, – заявила вставшая позади Лу ярко накрашенная дама. – А вы потеете? – спросила она Джима.

– О да, мэм, и довольно сильно, – признался тот, чувствуя, как под рубашкой катятся капли холодного пота.

– Честно говоря, у меня климакс, – призналась дама. – Хотя внешне я выгляжу гораздо моложе.

– Да уж, куда моложе, – произнес кто-то впереди.

– Между прочим, мой второй муж был шофером и водил такие дли-и-инные грузовики. – Дама развела руки, как будто измеряя длину пойманной рыбы. – Вот только забыла, как они называются...

Она наморщила лоб, но искомое слово все никак не давалось.

Джим еще раз огляделся, но тех подозрительных типов видно не было. Лу тоже вертел головой во всех направлениях, а дама продолжала мучиться сама и мучить окружающих:

– Ну еще есть такая болезнь – венерическая.

– Наверное, ваш муж работал на трейлере, – не выдержал Лу.

– Правильно! – обрадовалась дама. – Ну так вот, когда он работал на трейлере, работа у него была сидячая...

Джим прикрыл глаза. Несмотря на то что в зале не было подозрительных лиц, какая-то внешняя опасность заметно сгущала атмосферу. Еще немного, и воздух можно было бы резать ножом.

Где-то отдаленно продолжала болтать дама. Очередь продвигалась, и скоро Эрвиль уже встал напротив окошка.

– Два билета до Кинто на завтра, – сказал он, сжимая в запотевшем кулаке бумажки.

– На дополнительный или штатный рейс? – спросили его.

– А какая разница?

– Разница в цене. Дополнительный стоит дешевле.

– Давайте на дополнительный, – согласился Лу, решив сэкономить несколько кредитов.

В окошке что-то посчитали, а затем выдали счет:

– С вас тысяча девятьсот сорок кредитов за два билета на рейс 35475, отправление в четырнадцать сорок, места триста четыре и триста шесть.

– Пожалуйста! – Лу протянул деньги, и они едва отклеились от его ладони.

Но вот наконец и заветные билеты. Два бланка-книжечки с красивой голограммой и надписью «Летайте только с «Люфтваффе»!».

Джим так загляделся на эти билеты, что едва не проворонил страшный удар. Бейсбольная бита уже взвилась в воздух, когда он успел заметить ее серебристый блеск. И еще оскал того знакомого лица.

Кэш присел и одновременно лягнул Эрвиля ногой, чтобы тому тоже не досталось. Удар получился скользкий, однако достаточно сильный, чтобы у Джима отнялась правая рука. Убийца замахнулся еще раз, но Кэш врезал ему носком ботинка под колено, и нападавший взвыл от боли.

– Бежим, Лу! – крикнул Кэш и рванулся в сторону выхода к летному полю, надеясь найти там защиту.

О том, чтобы прорываться на улицу, не могло быть и речи – целая шеренга старых знакомых Джима перекрывала ему путь к отступлению.

– Джим! Мы не взяли сдачу! – вопил бежавший рядом Эрвиль, однако Кэш его не слышал, на слух определяя, сколько человек бежит за ними следом.

15

Кэш и Эрвиль с ходу преодолели два этажа и оказались в зоне отдыха летного состава. Друзья бежали через затемненные залы с приглушенной музыкой, сбивали с ног красивых бортпроводниц и подтянутых пилотов и были похожи на двух затравленных зверей.

А между тем охотники действовали продуманно и планомерно перекрывали своим жертвам пути к спасению.

Три раза Джим и Лу сталкивались с врагами нос к носу и всякий раз уходили каким-то чудом, хотя им в спины звучали выстрелы. Вначале Кэш надеялся, что на выстрелы прибежит полиция, но этого не происходило, а сил становилось все меньше.

В очередной, четвертый раз Кэш и Эрвиль столкнулись с тремя бандитами на служебной лестнице. Отступать было некуда, и пришлось принимать бой.

Лу разбили всю физиономию, а Джим получил по спине цепью с шипами. Однако победа в этой стычке была все же одержана. Поверженный враг остался на лестнице, а окровавленные победители ринулись дальше.

Еще пара пролетов вниз, и длинный коридор стал последней дистанцией на пути к спасению. Джим собрал оставшиеся силы и, подхватив Лу под локоть, потащил его вперед.

Изнемогая, они приближались к желанному выходу, а тем временем им наперерез двигался еще один убийца.

Он не был уличным хулиганом, являлся настоящим специалистом с твердой рукой и верным глазом. Его пистолет удобно лежал в ладони, и он уже считал, что дело сделано.

«Ни Хэнкс, ни его засранцы никуда не годятся. Придется помочь им, Джакоме, – так сказал бригадир Шульц, и Джакоме ничего не имел против. – Пройди через зал ожидания и встреть этих ребят на выходе. Совсем убивать их не нужно – это сделают Хэнкс и его ублюдки. Просто прострели им ноги».

Задание в общем-то простое. Джакоме миновал зал и скоро оказался в коридоре санитарно-гигиенического отделения. Оставалось пробежать десяток шагов мимо провонявших моющими средствами дверей, и он у цели, но неожиданно чей-то силуэт загородил дорогу.

Джакоме сразу вскинул пистолет, но незнакомец оказался быстрее. Пистолет был выбит сильным ударом, и Джакоме почувствовал, что у него сломаны пальцы. На этот случай у него был припасен фокус, и левая рука стремительно вылетела вперед, посылая в цель остро отточенное лезвие. Однако упреждающий удар врезался точно в переносицу и отбросил Джакоме назад. Свет в его глазах померк, и бедняга потерял сознание.

Очнулся он значительно позже, когда к его носу поднесли ватку, смоченную какой-то вонючей дрянью. Джакоме глубоко вздохнул и закашлялся. Затем открыл глаза и увидел Шульца, который наклонился над лежащим, не понимая, кто так легко разделался с его лучшим бойцом.

– Что случилось, Джи? Что тут произошло?

Лицо бригадира расплывалось у Джакоме перед глазами, а стоявшие вокруг люди Хэнкса Дефлектора казались ему склоненными над жертвой чудовищами. Джакоме почувствовал, что готов снова потерять сознание, однако боль в покалеченной руке вернула его к реальности.

– Был... кто-то третий. Их кто-то прикрывал.

– Понятно, – произнес Шульц и вздохнул.

Простая с виду разборка начинала обрастать какими-то таинственными деталями.

16

Широко расставив ноги, Джованни Перло замахнулся клюшкой, чтобы нанести, как он считал, безупречный удар. Наверное, так бы и случилось, если бы не Люк Вентура, который стоял в стороне и принимал все сообщения для босса. Он неожиданно дернулся, и это отвлекло внимание Перло. Мяч срезался с клюшки и улетел в кусты.

– Вот дерьмо! – выругался Джованни. – Люк, ты испортил мне такой удар!

– Извините меня, синьор, но поступило важное сообщение.

– Какое сообщение?! В чем его важность?! – закричал Джованни, потрясая клюшкой.

Его лицо покраснело от досады, и, если бы Вентура был поближе, тому бы наверняка досталось.

– Что случилось? – уже тише спросил Перло, совладав со своими эмоциями.

– Ребята в аэропорту облажались.

– А какие у нас в аэропорту дела? – удивился Джованни.

– Новички должны были прикончить каких-то двух бродяг, – напомнил Вентура.

– Ах вот оно что! И что, опять их побили? Я слышать об этом сопляке Хэнксе больше не хочу! Достаточно!

– Все немного по-другому, синьор. Звонил один из бригадиров и сообщил, что у этих двух безработных в порту было прикрытие.

– Прикрытие?! У безработных?! – переспросил Джованни. – Это становится интересным. Найди мне Альваро – немедленно. Эти бродяги могут оказаться просто наживкой, а за их спинами наверняка стоит Гарри Шервуд.

Перло повернулся к стоявшему неподалеку слуге, который таскал клюшки хозяина.

– Возьми, – сказал ему Джованни. – Кажется, игры сегодня не получится.

– Но те удары, что вы уже сделали, синьор, были просто великолепными, – расплылся в улыбке лакей и принял от хозяина клюшку, словно это был величайший дар.

– Спасибо, дружище, я рад, что ты это заметил, – буркнул Перло и направился в сторону усадьбы.

Люк Вентура, на ходу набирая номер, поспешил вслед за боссом. На ореховой аллее Люку удалось связаться с Альваро, и он подал трубку Перло:

– Пожалуйста, босс, Меркано на проводе.

Джованни взял телефон и, откашлявшись, заговорил:

– Привет, Альваро. Ты слышал, что наши сосунки снова вляпались? Да, и говорят, что довольно крепко... Я хочу, чтобы ты разобрался во всем этом деле и сказал мне, завязан ли там Гарри Шервуд. Мы заключили с ним мир, но ты же знаешь Гарри. Ему ничего не стоит интриговать против нас тайно.

Меркано что-то ответил, и Перло закивал.

– Конечно, Альваро, так и сделай. Не хватало еще, чтобы над нами смеялись. Ну, будь здоров.

Закончив разговор, Перло вернул Люку трубку и быстро зашагал по аллее, потом внезапно остановился и, повернувшись к помощнику, спросил:

– Ты как думаешь, Люк, Гарри Шервуд причастен к этому?..

– Я в этом больше чем уверен, синьор, – живо произнес Вентура, которому было выгодно нагнетать истерию. Если хозяин пугался, то относился к мнению Люка внимательнее.

– Понятно, – неопределенно сказал Джованни, а затем неожиданно добавил: – И в следующий раз, Люк, чтобы я не слышал, как ты говоришь «Меркано на проводе». Для тебя он «синьор Меркано». Понял?

– Да, синьор Перло, простите мне мою оплошность.

– Не забывай, пожалуйста, что Альваро в нашем бизнесе – это величина, а ты пока еще кусок дерьма в модном костюме.

17

Альваро объезжал торговые точки, которые достались клану после войны с Шервудом, когда ему неожиданно позвонил Перло. К счастью, Меркано был уже в курсе дела, иначе могло бы получиться некрасиво.

Босс заметно нервничал, и Альваро пообещал ему немедленно заняться выяснением всех подробностей.

После разговора он решил не объезжать магазины лично и по телефону направил туда О'Лири. Тот был толковым парнем и при случае мог поработать не только пистолетом, но и головой.

Поняв, что босс меняет направление, водитель поехал медленнее.

– Давай в офис, Дино, – устало бросил Меркано и потянулся, разминая затекшие члены.

Последнее время вся его работа проходила только в машине да в офисе. В разговорах с людьми, допросах и дознаниях. Он даже скучал по настоящим делам, в которых участвовал, когда был помоложе.

Впрочем, он понимал, что в борьбе за влияние в городе правильная стратегия и удачное размещение средств значили куда больше, чем упрямый героизм гангстеров прошлых десятилетий.

Вскоре Дино привез своего пассажира в деловой район Тауроса. Там находился офис организации. Это была элитная часть города, и в ней не встречались бетонные столбы компакт-хаусов, только авторская архитектура и никакого однообразия.

В офисе уже собрались все, кого Альваро вызвал предварительными звонками.

Были здесь и Шульц с Джакоме. У последнего рука в гипсе, а на переносицу положен ватный компресс. По собственному опыту Меркано знал, что подобные удары бывают очень болезненными.

– Ну, расскажи вкратце, как все происходило, – предложил Альваро, присаживаясь на краешек стола.

– Сам не пойму, синьор Меркано, – прогундосил Джакоме, дирижируя загипсованной рукой. – Он появился из темного угла, и я не успел даже выстрелить – он мне пальцы начисто снес. Тогда я его хотел ножом достать, но тут он меня встретил как надо, и все – темнота.

– Хоть что-то запомнил? Лицо, одежду...

– Волосы вроде длинные. И одежда тоже длинная.

– Длинный пиджак, куртка? – попытался помочь Шульц.

– Плащ, точно – плащ на нем был темный такой.

– Да, – покачал головой Альваро. – Немного ты заметил. Ну ладно, выйдем на него через этих безработных. Фрэнки, где, ты говоришь, они живут?

Фрэнки отделился от стены и, помедлив, словно разбирая спутанную в голове информацию, ответил:

– На улице Джи-Пратт, сорок шесть. Понятное дело, в компакт-хаусе.

– Номера комнат?

– Сегодня выясним, – пообещал Фрэнки.

– Хорошо. Шульц, ты приготовь людей, и завтра незаметно перекройте порт, чтобы они не улетели. Они ведь взяли билеты?

– Да, успели.

– А что делать нам? – поинтересовался Лео Бражник, который отвечал за силовую поддержку и устранение ненужных людей.

– Ты приготовь четыре пары. Одна должна быть в порту, еще одна будет дежурить возле компакт-хауса, третья пойдет внутрь здания, если Фрэнки добудет нам номера их комнат. Ну и последняя пока будет оставаться в резерве. Мало ли что.

– А что делать с сосунками? Нам их снова брать с собой? – поинтересовался Шульц.

– Можно, но только в качестве затычек для каких-нибудь неприкрытых лазеек.

– Хреновые из них затычки.

– Ну тогда применять их только в крайнем случае.

– У меня вопрос, синьор Меркано. – Лео Бражник поднял руку, словно школьник.

– Говори.

– Это, конечно, не мое дело, и, может, тут важный секрет, но почему за какими-то двумя обезьянами такая охота?

– Никакого секрета, Лео. Просто есть мнение, что это происки Гарри Шервуда. Вот и все. Еще вопросы? – Альваро обвел взглядом всех собравшихся, но по глазам его было видно, что подобного любопытства он больше не потерпит. – Нет вопросов? Ну и отлично. Расходимся.

18

Рано утром, когда только мусорные машины с брикетами зловонных отходов отчаливали от технологических узлов компакт-хауса, у подъезда остановился служебный микроавтобус электрической компании «Лаки-Чуб-Айс». Двое электриков в новых ярко-красных комбинезонах вышли на тротуар и, окинув взглядами глубокое ущелье между рядами серых громад, вошли внутрь строения сорок шесть по улице Жи-Пратт.

Сонный охранник недовольно пошевелился и вопросительно уставился красными глазами на невесть откуда взявшихся ранних гостей.

– Чего надо? – спросил он недовольно.

– На триста первом авария. Кабель подгорает, – пояснил один из электриков.

– А почему я ничего не знаю?

– Тебе и не положено все знать. Главное, чтобы мы знали и вовремя ликвидировали неисправность, – начал давить на охранника второй электрик, с низким лбом и шрамом во всю щеку. – Открывай турникет, а то узнаешь горя, парень.

Охранник начал было сердиться и хотел вызвать по радио начальство, но потом решил, что в такой ранний час начальник пошлет его подальше.

– Ладно, – буркнул он и открыл турникет. – Проходите, спасатели...

Электрики протиснулись мимо сверкающих никелем ограждений и направились к лифту, а охранник зевнул и выглянул в узкую щель, заменявшую ему окно. На противоположной стороне улицы припарковался еще один фургон, синего цвета.

«У. О. Эдельвайзер. Тестирование дорожных покрытий», – прочитал охранник на боку машины и покачал головой.

Тем временем электрики уже втиснулись в мини-лифт и набрали на панели не 301-й, а 248-й этаж. Потому что именно там, в комнате 77, проживал Джим Кэш, с которым следовало разобраться в первую очередь. По свидетельству всех, кто с ним сталкивался, этот парень приносил гораздо больше проблем, чем его дружок, поэтому следовало начать именно с него.

– Счастливый человек, – произнес «электрик» по имени Хукс, когда лифт понесся вверх.

– Почему это? – спросил «электрик» Генри.

– Живет в квартире под номером 77.

– Ну да, – усмехнулся Генри, – не очень-то ему это поможет.

В этот момент последовала остановка лифта. Она оказалась для пассажиров столь резкой и неожиданной, что Генри выронил сумку и та грохнулась на ногу Хуксу.

Несчастный выпучил глаза и так вцепился в плечо напарника, что тот тоже зашипел от боли. Зашипел, потому что кричать было нельзя.

Тут створки лифта разъехались, и на двух сцепившихся «электриков» удивленно взглянул неряшливый толстяк в грязной майке.

– А чего это вы тут делаете? – спросил он подозрительно.

– Не твое дело, – огрызнулся Хукс и, прихрамывая, вышел в коридор. Следом за ним, волоча злосчастную сумку, выбрался Генри.

– О-ой, – тихо застонал Хукс, припадая на ногу и не зная, на ком выместить обиду. – Еще этот пидор толстый...

– Что ты сказал? – раздался позади голос толстяка в майке.

Хромой «электрик» обернулся. Он полагал, что его никто не слышит, однако у толстяка был хороший слух. К тому же теперь он надвигался как танк, загораживая собой весь узкий коридор.

– Кого ты назвал толстым пидором?

– Послушай, ты здесь совершенно ни при чем, – попытался вмешаться Генри, но толстяк свалил его неожиданно быстрым ударом.

Увидев, что остался один на один с разъяренным быком, Хукс пожал плечами и, достав пистолет, сделал три быстрых выстрела. Толстяк остановился, удивленно посмотрел на пистолет, потом на раны в своем животе и, качнувшись, грохнулся на спину, отчего пол в коридоре вздрогнул, как от удара метеорита.

– Ты скотина, Хукс. Тупая скотина, – проговорил Генри, с трудом поднимаясь на ноги и проверяя подвижность своей челюсти.

– При чем здесь я? Это ты первый уронил мне свой ящик на ногу! Я теперь, может, на всю жизнь хромым останусь!

– Тихо, не ори... – одернул напарника Генри. Оба разом замолчали и прислушались. На этаже было тихо. Лишь приглушенный храп, доносившийся из какой-то комнаты, нарушал утреннюю тишину.

– Нужно его убрать, – сказал Генри.

– Ясен хрен, а куда?

– В кабельную нишу, – предложил Генри, который, в отличие от своего напарника, действительно был квалифицированным электриком.

Достав универсальный ключ, он отомкнул дверку и, прикинув размеры толстяка, сказал:

– Придется постараться – уж очень он большой.

Вдвоем они приподняли тело и попытались спустить его в шахту вниз головой, однако проходное отверстие оказалось мало, и плечи мертвеца застряли.

– Уф! Ладно, давай закинем его ноги вверх, и пусть стоит, как шкаф, – предложил Хукс и отер со лба выступивший пот. – Вот тяжелый какой, а, Генри? Тяжелей, чем парень с Лейн-стрит.

– Нет, – наваливаясь на дверь всем телом, прошептал напарник. – Тот был все-таки поздравее. Надавили! Оп!

Наконец дверь встала на собачку, и удалось закрыть ее на замок.

Хукс привычно осмотрел пол и, заметив кровь, вытер ее специальной рабочей ветошью.

– Ну все, – тяжело отдуваясь, сказал он. – Я за собой прибрал.

– Тогда пошли за «счастливчиком». Он сейчас, наверное, лучшие сны досматривает.

– Да, – согласился Хукс. – Последние сны всегда лучшие.

Они прошли по коридору и, остановившись возле двери с номером 77, прислушались.

– Тихо, – прошептал Хукс, – начинай.

Генри кивнул и, достав из сумки два проводка, подсоединил их к тестовой панели замка. Затем нажал на спрятанном приборе потайную кнопку, и замок тихо щелкнул. Дверь была открыта.

19

Ночь выдалась очень беспокойная. Джима мучили кошмары, и самый страшный из них – вернувшийся из детских снов старик со скрюченными пальцами. Он снова тянул к Джиму свои руки и шептал: «Пойдем со мной, мальчик. Пойдем со мной...»

Джим пытался убежать, но, как это водится в страшных снах, ноги его не слушались, а пальцы иссушенного монстра вцеплялись в спину Джима. Он дико кричал и просыпался. Затем пил холодную воду, кое-как смазывал раненую спину тонирующим кремом и снова засыпал, лежа на животе.

Однако кошмары не отступали, и где-то в половине пятого утра Кэш решил, что больше не ляжет. Он и так чувствовал себя крайне скверно, а наполненный кошмарами сон вовсе не приносил пользы и только расшатывал и без того взбудораженные нервы.

Подойдя к умывальнику, Кэш включил воду на максимальную подачу, однако сосок выдавал только слабую струйку, словно пациент, страдающий мочекаменной болезнью.

Кое-как ополоснув болевшее после вчерашних приключений лицо, Джим принялся чистить зубы, и это тоже не доставило ему удовольствия. Челюсть едва шевелилась и хранила следы чужих кулаков.

Джим попытался вспомнить, сколько же раз вчера он получил по физиономии, однако, досчитав до десяти, бросил это дело, поскольку большей части ударов его память по известным причинам не сохранила.

Закончив водные процедуры и осторожно промокнувшись полотенцем, Кэш ощупал голову и с удовлетворением отметил, что раны начали затягиваться, а шишки понемногу опадать.

Несмотря на ранний час, в желудке засосало.

«Это от нервов», – решил Джим и включил пищевой блок, чтобы оживить выросшую за ночь коллоидную плазму. Решив, что сегодня день особенный и потребуется совершенно необычная и высококалорийная пища, Кэш смело вскрыл защитную пленку программатора и переставил несколько фишек. Теперь пищевой блок был просто обязан сформировать ему несколько крупных вашингтонских тараканов, о которых Джим столько слышал.

«Сколько можно бояться этих ноблей? – подумал он. – Это же просто выдумки досужих репортеров».

Включив режим регенерации на полную мощность, Кэш стал собирать свои вещи. Уже в шесть утра он собирался встретиться с Эрвилем в холле, чтобы отправиться в порт.

Эта хитрая уловка принадлежала Джиму. Он здраво рассудил, что их будут караулить ну максимум за два часа до отправления аэробуса на Кинто, в то время как они прибудут в порт с раннего утра и спрячутся поближе к посадочным терминалам. Их будут искать на улицах, а они всех перехитрят.

Лу очень хорошо отнесся к этому плану, и на том они расстались. А теперь часы показывали двадцать минут шестого, и требовалось закончить все свои дела до без десяти шесть.

Застегнув магнитную «молнию», Джим бросил сумку к стене и, чтобы как-то скоротать время до завтрака, включил TV-бокс и убрал звук. Шел репортаж о гонках на настоящих спортивных лонгсфейрах. Это были отличные машины, с мощными движками – не чета самодельному аппарату, который собирал Джим.

«Мне бы такие деньги, – подумал он. – Я бы тоже собрал не хуже».

В этот момент в коридоре что-то с грохотом повалилось на пол. По экрану TV-бокса даже побежали помехи, но потом все восстановилось.

«Наверное, соседи», – решил Джим. Он знал жившего в шестьдесят третьей комнате толстяка по фамилии Эрншнитцель, который частенько напивался до газообразного состояния и, случалось, опрокидывался на пол.

Поглядывая на экран, Кэш приоткрыл крышку пищевого блока и с удовлетворением отметил, что в ячейках формируются личинки настоящих вашингтонских тараканов. Пока они выглядели прозрачными, как янтарные игрушки, но жизнь и питательная ценность уже наполняли их тела, делая полезным диетическим продуктом.

– Вот и отлично, – произнес Джим.

Затем он накинул куртку и ощупал в кармане билеты. Это было самое важное.

Кэш еще раз осмотрел комнату. Здесь оставалось несколько его вещей, которые нельзя было унести с собой. Однако бегство есть бегство, тут уж ничего не поделаешь.

В двери что-то щелкнуло. Джим прислушался – звук не повторился, но вместо него последовал сильный удар, и дверь распахнулась.

– О, да он не спит! Ранняя птичка! – весело произнес человек с пистолетом в руке, одетый в ярко-красную робу электрической компании. Он шагнул внутрь комнаты и огляделся. – Ну и дерьмовая конура у тебя, братец.

Второй, одетый как и его напарник, сдвинул форменную кепку на затылок и добавил:

– Зато не о чем будет жалеть. Это во дворце помирать тяжело, а здесь совсем другое дело.

– Кто вы такие и что вам нужно? – задал Кэш дурацкий вопрос.

Ему и так уже было ясно, кто эти люди и зачем они пришли.

– Мы те, кто решает проблемы нашего босса, – произнес человек с пистолетом. – Да, кстати, ты и есть Джим Кэш?

– Да... То есть нет, – спохватился Джим, чем вызвал на лицах «электриков» счастливые улыбки.

– Ты хороший парень, Джим. Вот только зря работаешь на Шервуда. Работал бы на Перло, и не случилось бы у нас такой грустной встречи, – произнес «электрик» с сумкой, который показался Джиму менее бесчеловечным, чем его напарник.

– Но, сэр, я ни на кого не работаю!

– Ну еще бы ты сказал, что работаешь, – хохотнул человек с пистолетом. – Ну ладно, спорить мы не будем. А поскольку ты понравился Генри, я не буду простреливать тебе кишки, а просто сразу – в башку.

Рука с пистолетом поднялась на уровень лица Джима, и он почувствовал, что жизнь начинает покидать его еще до выстрела. Ноги похолодели, а все происходящее вокруг стало нереальным и пустым.

– Отойди, Генри, сейчас мозги брызнут, – предупредил стрелок напарника.

– Ага, – сказал тот и сделал шаг в сторону.

В этот момент щелкнул датчик нагревателя, а затем крышка пищевого блока подскочила сама собой и из-под нее появился самый настоящий нобль.

Джим невольно повернул голову на шум и только одно мгновение любовался видом нобля. Затем тот совершил свой невидимый бросок, и в груди вооруженного пистолетом киллера образовалась дыра величиной с крысину нору. Потом таких нор на еще живом человеке образовалось сразу не менее десятка. И следом за ним нобль напал на стоявшего в оцепенении напарника.

Кэш услышал тихий свист, словно работала бормашина, и увидел раскачивающееся тело, которое ходило ходуном от того, что в нем хозяйничал нобль.

Наконец инстинкт самосохранения выдернул Кэша из состояния тупого ожидания, и он, подхватив сумку, выскочил за дверь.

Едва она захлопнулась за ним на собачку, страшный удар потряс ее люминитовую поверхность, и снаружи появился выдавленный пузырь. Затем последовал второй удар, но и на этот раз у нобля не хватило мощи пробить металлическую пластину.

Не дожидаясь, чем закончатся попытки этого монстра, Джим с ходу втиснулся в тесный лифт и понесся вниз.

20

В небольшом холле он увидел заспанного Лу Эрвиля, который, спустившись заранее, тупо таращился на застекленную будку охранника.

– О Джим! – воскликнул он и подхватил с пола сумку с вещами. – Я решил выйти пораньше, как чувствовал, что и ты тоже...

Заметив выражение лица Джима, Лу осекся.

– Ну у тебя и видок – как будто ты привидение в лифте увидел.

– Уходим отсюда, Лу. Немедленно! – глухим голосом проговорил Кэш и потащил Эрвиля к выходу.

– Ты знаешь, я не стал брать с собой коллекцию ракушек, – на ходу лепетал тот. – Они такие тяжелые. Хотя, конечно, жаль, я собирал их с пятнадцати лет.

Стекло на подъездной двери как-то странно брякнуло и пошло сеточкой трещин. Затем в нем образовалось еще несколько отверстий, а потом оно целиком вывалилось на бетонный пол, рассыпавшись на красивые голубые кристаллики.

Испугаться сильнее, чем испугался до этого, Кэш уже не мог, поэтому он бегом понесся к осиротевшему фургону электриков, а из синего фургона, захлебываясь от спешки, били две автоматические винтовки. Их стрелки здорово нервничали и ругались вслух, что очень плохо отражалось на качестве работы. Пули буквально стригли подметки на ногах мишеней, однако не успевали побольнее задеть бегущих человечков. Вскоре те благополучно спрятались в электрическом фургоне, который, к слову сказать, был покрыт легкой броней.

– Звони Шульцу, Блингштофф! Шульцу звони! – завопил один из снайперов, отбрасывая бесполезную винтовку и заводя мотор.

– А чего ты на меня орешь?! Мазила! – так же зло отозвался Блингштофф.

Тем не менее он тут же связался с бригадиром и выпалил, не в силах удержаться от панического тона:

– Сэр! Они уходят в красном фургоне!

– В автомобиле Генри и Хукса?

– Да, сэр! Мы их преследуем по Лумфолт-Дрю в сторону центра.

– Попробуйте их подстрелить.

– Но как, сэр? Их фургон бронирован, а у нас с собой ни одной гранаты...

Шульц промолчал. Это в его обязанности входило предусмотреть все, однако он не дал команды вооружиться как следует.

Впрочем, не все еще потеряно – у него «в рукаве» была припасена тройка айрбайков, которые базировались на крыше офисного здания.

Бригадир связался с ними и сообщил, куда движутся беглецы. Затем, как и следовало, позвонил Меркано.

– Что случилось? – сразу спросил тот.

– Похоже, эти парни куда круче, чем мы предполагали, сэр, – с ходу начал оправдываться Шульц.

– Конкретнее! – потребовал Меркано.

– По всей видимости, они расправились с Хуксом и Генри, потом каким-то образом провели снайперов. Теперь пробиваются в центр, но Гао и Блингштофф у них на хвосте. Еще я послал туда трех айрбайкеров.

– Вот так новость! – проскрипел Меркано.

Он все еще не верил, что эти люди работают на Шервуда, однако это не отменяло необходимости выяснить о них побольше. А для этого их следовало как минимум убить, но желательнее захватить живьем.

Впрочем, об этом лучше было не заикаться. Если уж они с такой легкостью проходили сквозь засады, положить на их поимку несколько десятков солдат было бы большой глупостью.

– Ладно, Шульц. Двигай за ними и перебрасывай свои резервы. По ходу дела докладывай.

– Есть, сэр. Конечно.

Закончив разговор, Шульц бросил трубку на соседнее сиденье и, заведя машину, резко стартовал с места.

21

Джимми Кэш неплохо управлялся с лонгсфайром, мог пилотировать самолеты, но за рулем автомобиля он чувствовал себя не слишком уверенно. Вначале, пока в его крови бушевал адреналин, он не замечал других машин, светофоров и перекрестков, а форсированный движок разгонял красный фургон все быстрее, пронося его мимо застывших свидетелей, словно пушечное ядро.

Когда к Эрвилю вернулся дар речи, он попытался заговорить с Кэшем, но тот ничего не слышал, бешено дергая руль и учащенно дыша, словно сам совершал эту стремительную пробежку.

– Куда мы несемся, Джим? – воскликнул Лу, вжимаясь в сиденье и зажмуривая глаза, когда фургон пронесся в считанных сантиметрах от грузовичка из мясной лавки. – Нам нужно в порт, Джим! – снова напомнил он, и, только услышав это кодовое слово, Кэш начал понемногу оттаивать и даже несколько раз нажал на тормоза.

– Я не очень хорошо знаю эти дороги, но я постараюсь, Лу, вот увидишь...

Тон Кэша и его отсутствующий взгляд не убедили Эрвиля, однако он решил немного подождать, тем более что действия друга становились все более осмысленными. Их фургон, визжа на поворотах покрышками, постепенно выбирался из центра города и уходил в районы, где здания становились все выше, а окон в них было все меньше.

В одном месте Джим остановился на красный свет, и сразу же с ними поравнялся грузовик, доставлявший в цветочные магазины сублимированные букеты.

Водитель грузовика выглянул из окна и, прочитав на фургоне его принадлежность, стал подавать Лу знаки, чтобы тот открыл окно.

– Что ему нужно, Джим? – испугался тот.

– Почему я знаю, открой окно и спроси.

Эрвиль опустил стекло, и шофер грузовика тут же стал объяснять ситуацию с какими-то проводами в его доме, которые никак не хотели правильно стыковаться, и что в доме уже убило током кошку и собаку. А тещу так вдарило, что...

Дослушать рассказ незнакомого, но очень общительного человека не удалось. Загорелся зеленый свет, и машины разъехались в разные стороны.

– Забавный парень, – усмехнулся Лу, настроение которого начало постепенно улучшаться. Он выглянул в окно еще раз и дернулся так, будто в него запустили камнем.

– Ты чего? – спросил Джим, не отрываясь от дороги.

– Нас преследуют! На машине и по воздуху!

– По какому воздуху, чего ты мелешь?! – недовольно отозвался Кэш, однако, прислушавшись, уловил знакомый свист турбин, а затем и увидел айрбайк, который пронесся над самым фургоном.

Когда айрбайк отлетел вперед метров на двадцать, его пилот вскинул руку с пистолетом и выстрелил в Кэша. Пуля щелкнула по стеклу, но не пробила его, а только оставила белое пятнышко.

– Дави его! – не своим голосом закричал Лу, и Джим моментально выполнил эту команду. Он вдавил педаль газа в пол, и фургон, словно бешеный бык, рванулся на своего обидчика.

Айрбайкер не ожидал от наземного транспорта такой прыти и поздно понял, что угроза реальна. Уходя от столкновения, он резко рванул аппарат вверх и напоролся на рекламную перетяжку, пропагандирующую презервативы от Дюпона.

Где-то вверху послышался громкий хлопок, и по проезжей части, перегоняя друг друга, покатались части человеческого тела, располосованного тонкими тросами.

Лу моментально стошнило, а Джим выругался и свернул на другую улицу, с которой – он знал – был выезд на шоссе до порта.

Между тем погоня как будто отстала, и на утреннем полупустынном шоссе Кэш в полной мере испытал возможности фургона.

Примерно в километре от портового комплекса Джим заметил несколько заброшенных складов и, свернув с дороги, направил машину к развалинам.

– Зачем нам туда, Джимми? – слабым голосом спросил Лу.

– Переждать нужно. А то мало ли что...

Эрвиль спорить не стал. Сейчас он был не в том настроении.

22

Едва машина Шульца въехала на стоянку порта, как он сразу заметил одного из своих людей. Тот подал условный знак, и это означало, что здесь еще никто не появлялся.

Шульц вздохнул и выбрался из машины. Его спина была мокрой от пота, но толку от таких стараний было мало. Те, за кем он охотился, снова ускользнули, и куда они могли подеваться на этом дурацком красном фургоне, он даже представить себе не мог.

Два уцелевших айрбайка пришлось отправить на крышу заброшенного склада, расположенного недалеко от порта. Оттуда можно было видеть все шоссе, к тому же ребятам следовало прийти в себя после того, как их коллегу разрезало, словно котлету.

«Ну и сам виноват, дурак, зачем было красоваться, как в автородео?» – мысленно выругался бригадир и направился к входу в зал ожидания, чтобы чего-нибудь выпить. С минуты на минуту сюда должен был подъехать сам Меркано, а рядом с начальством уже не расслабишься.

Остановившись возле неказистого углового кафе, больше похожего на пункт питания для малоимущих, Шульц заказал слабоалкогольный коктейль и присел за маленький неудобный столик.

В ту же минуту рядом оказался Хэнкс Дефлектор.

Словно на большой праздник, его кожаная куртка была пропитана какой-то смягчающей дрянью, и все вместе это воняло, как тюремный сортир.

– Послушай, кто тебя курирует? – спросил Шульц.

– Мистер Гучеа, – пролепетал Дефлектор.

– Зови его сюда, а сам постой в сторонке – наблюдение нельзя прерывать ни на секунду. Понял?

– Так точно, сэр, – ответил Хэнкс и убрался.

Вскоре к столику подошел Гучеа. Его широкий пиджак был расстегнут, стало быть, под ним было спрятано оружие большого калибра.

– Садись, – бросил Шульц.

Гучеа огляделся и неловко присел.

– Ваш «бальзароссе», мистер, – произнес худой официант, форменная одежда которого напоминала летнюю форму.

«Небось врет девкам, что работает пилотом», – подумал Шульц, а вслух сказал:

– Спасибо, братец.

Официант поклонился и ушел, а Шульц пригубил коктейль и поморщился. О своей репутации в кафе явно не заботились.

– Как новички – не очень достают тебя?

– Нет, сэр, – покачал головой Гучеа. – Я пообещал Хэнксу отрезать ему яйца, если он еще раз подойдет ко мне в своей вонючей куртке.

– Понятно. А что у тебя за ствол?

– Кувертина.

– Зачем так серьезно?

– Красный фургон, на котором выезжали Хукс и Генри, хорошо бронирован, сэр...

– Да, я помню.

В этот момент Шульц заметил Меркано, который появился в зале и в сопровождении Лео Бражника направлялся к кафе.

Шульц моментально поднялся, а Гучеа вообще исчез. Он не особенно любил показываться на глаза высокому начальству.

– Присядем, – сухо предложил Альваро, и все трое уселись за столик, который никак не годился для такой большой компании.

Между тем официант, почувствовав запах чаевых, решил взять заказ, однако напоролся на взгляд Шульца и моментально скрылся за стойкой.

– Итак, дело принимает совершенно непонятный оборот, – начал Меркано, и его смуглое лицо выглядело грустным. – Хукс и Генри убиты – это уже точно. И знаешь как, Шульц?

– Откуда...

Альваро с Бражником обменялись взглядами.

– С помощью нобля.

– С помощью... нобля? – переспросил Шульц.

Ему показалось, что он ослышался. О таких штуках он только изредка слышал в новостях, однако там всегда говорилось о трагических случайностях.

– Я понимаю, о чем ты думаешь, – сказал Меркано. – Если бы такое случилось вдруг – на пустом месте, можно было бы списать на случайность, однако, когда нобль убивает специалистов, пришедших разобраться с жертвой, это похоже на продуманную оборону.

– Тут вы правы, сэр, – согласился пораженный Шульц.

– Кстати, как погиб пилот байка?

– Его разрезало тросами, сэр.

– Вот дерьмо! – не удержался Лео Бражник, до этого сидевший тихо, а Меркано только наморщил лоб и пожевал губами.

– А где остальные?

– Они дежурят на крыше старого склада. Это в километре отсюда.

23

Прохладный ветерок пробивался сквозь проржавевшие дыры старого ангара, а свет свободно проникал в зарешеченные, лишённые стекол окна. Было утро, и солнце еще не успело раскалить эту громадную консервную банку, поэтому существование здесь оставалось вполне сносным.

Если, конечно, не считать двух айрбайкеров, которые сидели на крыше здания и даже не подозревали, что те, кого они ищут, находятся в буквальном смысле у них под ногами.

Эти воздушные преследователи оказались тут совершенно неожиданно. Джим только успел размять ноги и помочиться на стену, как вдруг послышался знакомый свист турбин, а затем в щели крыши устремились потоки сжатого воздуха, наполняя железный сарай тучами едкой пыли.

И теперь Джим с Лу сидели в машине тихо как мышки и раздумывали над тем, что им делать.

С одной стороны, до отправления их автобуса оставалось еще много времени, однако кто знает, надолго ли расположились здесь наблюдатели. Возможно, они останутся до вечера, и тогда билеты попросту пропадут, а это стало бы крахом для бюджета безработных приятелей.

– Может, все же попробуем оторваться? – несмело предложил Эрвиль, когда они просидели в фургоне с полчаса.

– На открытом месте это невозможно, Лу. Это тебе не город. Они проследят, где мы выберемся из фургона, и тогда от нашего плана ничего не останется. Мы должны проникнуть в порт скрытно.

– Я понимаю, что скрытно. Но ты же видишь, они никуда не собираются улетать. Они караулят шоссе.

– Ясно, что шоссе. Но я что-нибудь придумаю, Лу, я обязательно что-то придумаю.

– Но когда?

– В ближайшее время, – раздраженно ответил Джим, да так громко, что с опаской выглянул в окно и посмотрел на маячившие в сеточке проржавевших отверстий неподвижные силуэты.

Айрбайкеры никуда не девались и о чем-то беседовали. Иногда удавалось даже уловить одно или два слова.

Оставив наблюдение, Кэш убрал голову из окна и сел прямо.

– Галету хочешь? – предложил Эрвиль.

– Давай, – согласился Джим и принялся жевать безвкусный продукт.

Это, конечно, было не так питательно, как блюда из пищевого блока, однако в пачке галет не мог скрываться нобль, что успокаивало.

– Ты слышал о ноблях, Лу? – спросил Джим.

– Кто же о них не слышал?

– Представь себе, сегодня я одного такого видел...

– Ладно врать-то, – махнул рукой Эрвиль, однако у Кэша был такой вид, что становилось ясно – он говорит правду.

– Как это случилось? – Лу отложил галету и отер с губ крошки.

– Парни, которые приехали на этом фургоне, собирались меня убить... А потом, наверное, и тебя...

– А куда они подевались?

– Я же тебе сказал – я видел нобля. И я видел его не просто так, а за работой...

– Он их умутил? – На лице Эрвиля появилась гримаса. – Это было так, как пишут в газетах, Джим?

– Это было хуже, – признался Кэш и почувствовал, что от воспоминаний о пережитом снова начинает покрываться липким потом. – Он их просто выж– жрал изнутри, понимаешь?..

Джим посмотрел на Лу сумасшедшим взглядом и повторил, покручивая растопыренными пальцами:

– Выж-жрал...

– На что он был похож, Джимми? Это животное?

– Нет, не животное, – покачал головой Кэш. – Это было похоже на какую-то точку, в которую спрессован ужас. Много-много ужаса.

Они помолчали несколько минут. Было слышно, что наверху разговаривают, а по крыше вниз скатываются маленькие камешки.

– Ты знаешь, я наконец придумал, – сказал вдруг Джим.

– Что придумал?

– Как нам избавиться от этих ребят. – И Кэш указал пальцем на потолок кабины.

– Как же?

– Следи за мной, приятель, – загадочно произнес Джим и, повернув ключ зажигания, завел двигатель. Затем резко отпустил сцепление и бросил бронированный фургон на таран прогнившей опоры.

Тот легко пробил проржавевшую конструкцию и вылетел на свет, вышибив большой кусок стенки. Ангар тут же начал заваливаться, и по наклонной плоскости крыши, словно по крутой горке, закувыркались пилоты и их байки.

Джим остановился, выпрыгнул из кабины и побежал смотреть, что сделалось с врагами.

Пилоты или находились без сознания, или погибли, а их байки получили незначительные повреждения. Впрочем, воздушное судно – это не автомобиль: чтобы выйти из строя, ему достаточно какой-то малости.

– Подбери оружие, Лу, – приказал Кэш Эрвилью, который несмело приблизился к месту завала.

– Мы возьмем его с собой?

– Нет, с пистолетами в аэробус не пустят. Просто отбрось его в сторону, на случай если эти ребята оклемаются.

Пока Эрвиль собирал и выбрасывал пистолеты, Кэш начал снимать с пилотов облегающие комбинезоны.

– Зачем ты это делаешь, Кэш? Ты хочешь лететь на этих штуках?

– Ни в коем случае, я не сумасшедший, просто каждый такой костюмчик стоит три тысячи кредитов, а этим парням они больше не понадобятся...

Эрвиль посмотрел на не прикрытые шлемами лица пилотов и согласился с другом, поскольку эти люди были мертвы. Должно быть, их придавило байками, когда они скатывались вниз.

– Ну все, Лу, уходим! – скомандовал Джим, бережно сворачивая комбинезоны и укладывая шлемы на сиденья фургона.

24

К зданию порта Джим и Лу подъезжали в приподнятом настроении. Они намеревались бросить фургон неподалеку от входа, полагая, что служебный транспорт электрической компании не привлечет ничего внимания.

У главного входа стояло несколько машин, из которых высаживались пассажиры утренних рейсов. Джим посмотрел на этих людей с завистью. Когда те станут подлетать к Кинто и потягивать в воздухе прохладительные напитки, они с Лу еще только будут изображать из себя секретных агентов.

– Объезжай их, – предложил Эрвиль, ставя свою сумку ближе к ногам, чтобы скорее выйти.

– Ага, – ответил Кэш и притормозил, когда отъезжавшая от входа машина на время перекрыла ему дорогу.

Справа, со стороны Эрвиля, показался какой-то человек в расстегнутом пиджаке. Пиджак был длинный и слишком теплый для этой погоды, однако Джим отметил это как-то отстраненно, ему не хотелось размышлять о грозящей опасности. И только неотрывный, как у бойцовой собаки, взгляд заставил Кэша еще раз посмотреть на незнакомца. Теперь в руках того было оружие, калибр которого не позволял понять, что это – дробовик или обрезок трубы.

Кэш резко отпустил сцепление, и фургон дернулся. Головы его и Эрвиля откинулись назад, и в этот момент мимо них через всю кабину пролетела бронебойная пуля, оставив огромные дырки в боковых стеклах.

Джим нажал на газ и, протаранив замешкавшийся лимузин, выскочил из ловушки. В корпус фургона тут же забарабанили мелкие пули, а затем еще раз грохнул снаряд кувертины.

На визжащих покрышках простреленный фургон завернул за угол, и Джим снова погнал машину на шоссе. Теперь он знал, что их ждут везде, и оставался единственный выход – спрятаться в боксах, в одном из которых стоял его недоделанный лонгсфейр.

Едва красный фургон исчез за углом, из здания порта начали выскакивать вооруженные люди. Пугая ранних пассажиров, они набивались в машины и стартовали на повышенных оборотах.

Когда погоня умчалась и воцарилась относительная тишина, на стоянке завелся гоночный «ОР» и, рокоча тяжелыми поршнями, тоже поехал в сторону шоссе.

25

Негромкая расслабляющая музыка лилась из звуковых панелей, а умашенные гелями тела танцовщиц тускло поблескивали в свете разноцветных юпитеров. Девушки были как на подбор и танцевали очень хорошо, однако ничто не радовало Джованни Перло, потому что он всерьез опасался за свою жизнь.

Впрочем, не поддаваясь панике и доказывая самому себе, что он все еще крутой парень, Перло покинул свое загородное убежище и приехал в клуб, владельцем которого являлся. Именно здесь он и дожидался возвращения Альваро.

Тот явился через час после их телефонного разговора, хотя должен был приехать раньше. Тем не менее главный босс понимал, что на то у Меркано были причины.

– Здравствуй, Джованни, – сдержанно произнес Альваро, стараясь не замечать стоявшего рядом Люка Вентуру.

– Присаживайся. Знаю, что ты весь день на ногах, поэтому должен немного отдохнуть.

Меркано не стал спорить и сел. Он знал, что Перло с трудом выдерживает приличествующую рангу паузу, ведь боссу не терпелось узнать, как идет охота.

Побарабанив по столу пальцами, Джованни, не выдержав, спросил:

– Ну, как наши успехи?

Меркано кивнул, однако, перед тем как начать рассказывать, демонстративно покосился на Люка. Перло сделал знак, и Вентура нехотя удалился, присоединившись к стоявшим полукругом телохранителям, за спинами которых почти не было видно сцены.

– По нашим сведениям, Джованни, эти двое прячутся где-то в боксах заброшенного сталелитейного предприятия.

– Их трудно отыскать? – подался вперед Перло.

– Сейчас уже темно, но людей я расставил, и с рассветом мы начнем прочесывать местность.

– Что полиция? Они сумеют помочь нам?

– Да, они отработывают деньги сполна, – кивнул Меркано. – Ты позволишь мне чего-нибудь съесть, а то в брюхе с утра пусто?

– О чем речь, Альваро! Давай закажем роскошный ужин.

– Не нужно, мне хватит и этих закусок... Ну так вот. Пока нам известны имена двух парней – Джим Кэш и Лу Эрвиль. Пару дней назад их уволили с завода по сокращению штатов. Джимми сирота. Скитался по улицам до одиннадцати лет, потом попал под программу беспризорных детей, оказался в приюте и закончил трудовые курсы. И заметь, – тут Альваро прервался, чтобы забросить в рот маленький бутерброд, – заметь, Джованни, он сумел получить образование сразу по трем специальностям, в то время как другие лбы едва успевали освоить одну.

– То, что он прилежно учился, Альваро, не имеет к нам никакого отношения.

– Имеет, Джованни, – возразил Меркано. – В боксах у него есть уголок, где, по свидетельству знакомых, он собирал для себя лонгсфейр.

Перло недоуменно поднял брови.

– Не пытайся вспомнить, я сам узнал это словечко только сегодня, – успокоил его Альваро. – Лонгсфейр – это штука наподобие айрбайка. Только побольше и может летать на больших высотах и скоростях.

– Чем это нам грозит?

– Еще не знаю, но на всякий случай я вызвал армейских специалистов майора Казански. Ты же знаешь, он наш должник.

– Вот это ты правильно сделал, Альваро. Правильно, – с облегчением выдохнул Перло и даже посмотрел на сцену, отметив, что вторая справа блондинка очень недурна. Она казалась пластичнее всех остальных девушек, а ее бедра неудержимо манили.

– И еще я зарядил информационный отдел криминальной полиции, чтобы те в случае необходимости объявили розыск.

– Это тоже правильно, – похвалил Перло, настроение которого улучшалось. – Слушай, а давай чего-нибудь выпьем – по маленькой. Мы наполийцы, Альваро, а наполийцы должны держаться вместе...

– Я не против, Джованни. По маленькой, – кивнул Меркано.

На самом деле он с большей охотой уехал бы домой, чтобы поспать пару часов, но отказывать боссу было нельзя.

Перло сделал Люку знак. Тот моментально понял, чего желает хозяин, и сейчас же позвал официанта, который буквально встал на цыпочки, узнав, что будет обслуживать самого Перло.

Получив заказ, официант умчался с прилепленной к лицу улыбкой, а следом за ним на кухню вышли двое телохранителей – следить, чтобы в пищу не сунули какой-нибудь отравы.

Между тем Перло и Меркано беседовали на отвлеченные темы и все чаще переходили на старые времена. Джованни полностью отдавался воспоминаниям о молодых годах, и Альваро понимающе улыбался, хотя его мысли крутились вокруг ночных секретов, которые он оставил на заброшенном заводе.

То, как беглецы расправились с парой пилотов айрбайков, вконец запутало Альваро. До этого момента он еще надеялся, что это пара любителей, которым всего лишь везет, однако теперь... Да чего там говорить, теперь Меркано побаивался этих головорезов и предпочел бы снять все посты и дать им убратся в свой Кинто. И плевать он хотел на репутацию. Эта дурацкая охота по расходам живой силы уже превосходила все расчеты.

«Подумать только, – размышлял Альваро, невпопад кивая в ответ на реплики Перло, – подумать только, что все началось с обычной драки в универмаге».

26

Джим возвратился не скоро. Его не было примерно час, и Лу успел передумать что угодно, однако потом он сильно замерз, и это замедлило его мыслительные способности.

Наконец тихо скрипнули петли, и в приоткрытую дверь бокса проскользнул едва заметный на фоне синей темноты силуэт.

– Джим... это ты? – с опаской спросил Эрвиль.

– Кто же еще, – достаточно уверенно ответил Кэш.

Он плотно прикрыл дверь и запер ее на ключ. Затем щелкнул выключателем, и бокс осветился ярким светом.

Лу даже охнул от удивления и прикрыл глаза рукой.

– Ничего не бойся, – угадав, о чем подумал Эрвиль, сказал Кэш. – Дверь герметичная, к тому же они далеко.

– Кто они?

– Те, кто за нами гоняется, – пояснил Джим, а затем добавил: – И еще кое-кто.

– Что ты имеешь в виду? – Эрвиль поднялся на ноги и, заметив висевший на гвозде старый свитер, решил надеть его.

– Солдаты, Лу. Самые настоящие солдаты. Они меня не видели, курили и разговаривали. А я здесь знаю все как свои пять пальцев, поэтому подобрался близко и услышал.

– Значит, ты можешь объяснить, что мы такого сделали, что нас нужно непременно убить?..

Лу натянул пыльный свитер и почувствовал себя лучше. Заметив нечто большое, накрытое пластиком, он протянул руку, но Кэш остановил его:

– Постой. Я сам.

Осторожно, словно боясь потревожить спящего ребенка, Джим снял пластик, и Эрвиль ахнул:

– Джимми! И все это ты сделал своими руками?

– Ну не все, многие узлы мне изготовили на заказ, что-то я доставал и покупал. Но вся концепция машины разработана мной и по моим чертежам.

– Грандиозно! Я могу потрогать это руками?

– Да, – после секундного колебания разрешил Кэш.

Эрвиль забыл, что ему было холодно, так сильно он был поражен видом лонгсфейра.

Это было настоящее воздушное судно. Оно оказалось значительно больше, чем айрбайк, его обводы были вытянуты, а нос заострен, что говорило о больших скоростях.

– Ты на нем уже летал?

– Да, поднимался несколько раз, но особенно разгоняться нельзя, потому что нет колпака, вот только соорудил отражатель.

– Это его ты на резиновую женщину выменял?

– Нет, выменял я только материалы, а сделал все сам.

– А я свой журнал из порномагазина дома оставил, – грустно произнес Лу.

Они помолчали. Затем Лу сказал:

– Ты не ответил на мой вопрос. Ты узнал, почему нас хотят убить?

– Точно я не знаю, но мы перешли дорогу кому-то из больших людей, и живыми нас не выпускают.

– Понятно. А давай улетим от них на лонгсфейре?

– Так мы и сделаем, – кивнул Джим. – К тому же сильно разгоняться нам вовсе не обязательно. Уберемся километров на пятьсот и сядем.

– Можно податься в Ималту, оттуда в Дро, а там есть порт. Небольшой, но самолеты до Кинто летают.

– А почему нет? Давай полетим в Ималту или напрямик в Дро, – согласился Джим.

Ему даже показалось, что такой путь самый лучший. Возможно, удастся пристроить и лонгсфейр, а не бросать его в какой-нибудь пустыне. Ведь столько сил в него вложено.

Кэш еще раз оглядел свою птицу и подвел итог:

– Завтра, как рассветет, полетим.

– А ночью нельзя, чтобы нас не заметили?

– Ночью нельзя. У меня навигация слабая, прямо скажем, карманная навигация, поэтому нам нужна будет максимальная видимость. И костюмчики, кстати, пригодятся.

– Фу, Джим, их же носили те мертвые парни.

– Неважно. Если за нами увяжется байк или легкий самолет, придется отрываться.

– Но ты же сделал эту стеночку...

– Это отражатель, Лу, – раздраженно пояснил Кэш. – И он не спасет тебя, если придется поднажать. Мало того что мы наденем эти костюмы, придется еще намазаться ламизитом.

– Это еще зачем?

– Для улучшения аэродинамики, дружище.

– Ага, – кивнул Лу. – А у твоей штуки есть багажное отделение, куда можно положить сумку?

– Ну, багажное отделение – это слишком громко сказано, но вообще... – Джим подошел к кормовой части аппарата и, повернув какую-то ручку, поднял крышку, под которой оказалась довольно вместительная полость.

– Ой, а что это за трубочки? – тут же заинтересовался Лу.

– Это топливораздаточный узел. Но туда сумку ставить нельзя.

– Послушай, – Эрвиль удовлетворенно покивал головой, – действительно, машина у тебя хорошая. Признаюсь, я думал, что все твои железочки – это так, блажь. Например, я собираю раковины... вернее, собирал, а ты конструировал какой-то там механизм. Но тако-ое, Джим! В моих глазах ты теперь великий человек.

– Ладно, буду великим, когда выведу нас отсюда в Ималту или Дро.

– Правильно. А сейчас давай поедим, у меня еще галеты остались.

27

Среди развалин вскрикнула ночная птица, и Йодль вздрогнул от этого неприятного звука. Поудобнее усевшись на кирпичи, он хотел закурить сигарету, но потом решил отложить, поскольку за последний час курил уже два раза, а этой осенью он собирался совсем завязать.

Спотыкаясь об обломки, из-за угла показался Пако. Он ходил на разведку, хотя на самом деле разыскивал спрятанную накануне бутылку чичос – дешевой водки из кореньев, по четыре кредита за литр.

Пако спрятал ее еще днем, когда майор Казански неожиданно вернулся. Спрятал хорошо – майор ничего не заметил, зато теперь водку найти было невозможно, а вместе с темнотой в эти развалины проникал жуткий холод.

– Конечно, не нашел? – с досадой спросил Йодль.

– Ничего не понимаю – вроде под камень положил...

– А теперь под камнем ничего нет?

– Да я даже камень найти не смог, – признался Пако. – Темно.

«Придется все же закурить, – невесело подумал Йодль и вздохнул. – Вот и бросай тут курево с такими дураками».

– Ладно, тогда бери и надевай ранец, а я покурю.

– Но ты уже курил.

– Так ты же не принес выпивки, индюк наполийский.

– Ты наполийцев не тронь! Ты знаешь, что за это может быть? – начал заводиться Пако.

– Заткнись и принимай ранец, – злобно ответил Йодль.

Пако смирился, молча взял переносной комплекс и надел его на себя.

Теперь он был самоходной боевой единицей, а две направляющие зенитных ракет делали его похожим на летающего человека из фильма «Тупой, или Рокки-10».

Помимо комплекса, Йодль передал напарнику некое устройство, напоминавшее булаву. По инструкции это называлось СПУН, однако солдаты окрестили эту штуку «иждивенцем».

«Иждивенец» отстреливался вверх по команде «цель» и висел сколь угодно долго, наводя ракеты на объекты, незаметные оператору.

– Ты «местных» видел? – спросил Йодль, закуривая сигарету.

– Не видел, но я знаю, где они сидят.

– Ну так взял бы у них выпить.

– А я как-то не догадался.

– Эх, Пако, до чего же вы, наполийцы, тупые!

Напарник хотел было возмутиться, но Йодль махнул рукой:

– Ладно, не бухти. Сиди здесь, а я схожу к ним – не может быть, чтобы у этих ребят выпивки не было. Они там, возле транспортеров?

– Вроде, – пожал плечами Пако.

Йодль проверил пистолет и сунул его за пояс. Все-таки вокруг была темнота, а где-то рядом, если верить майору, скрывались опасные преступники. И странное дело, пока Йодль держал на плечах эту бандуру – зенитный комплекс, он чувствовал себя каким-то неуязвимым, словно он танк или чего похуже, а как передал дежурство Пако, сразу растерял всю уверенность.

Отогнав ненужные мысли и затоптав окурки, Йодль решительно пошел в темноту, пробираясь почти на ощупь. Он хорошо помнил план захламленного двора, однако время от времени наталкивался на кучи сгнившей ветоши и пучки проволоки.

Выйдя из тени водоохладительного узла, похожего в темноте на гнездо гигантских взбесившихся змей, Йодль стал видеть отдельные предметы, поскольку лунная планета Моонзунд давала немного сиреневого света.

Скоро впереди уже можно было разобрать нагромождения проржавевших транспортеров, и там Йодля, без сомнения, ждала выпивка, однако неожиданно его внимание привлекло нечто постороннее.

Приглядевшись, Йодль различил силуэт человека. Тот стоял на вершине холма из битого кирпича, и ночной ветерок шевелил полы его длинного плаща. Смотрелось это жутковато, и Йодлю стало казаться, что у человека опущенные крылья.

«Успокойся, Енс, это может быть только парень, за которым охотятся «местные». Стоит его подстрелить, и награда у тебя в кармане», – размышлял Йодль. Перед тем как стемнело, майор показал ему всех, кто оставался в развалинах в засаде, и этот человек на куче мусора не был похож ни на кого из них.

Прикинув, как можно подобраться незаметно, Енс начал осторожно отступать обратно к водоохладительной конструкции. Он помнил, что там находились смотровые площадки и по ним можно было подойти на расстояние точного выстрела.

Конечно, Йодль мог бы попробовать выстрелить прямо отсюда, но в такой темноте шансов на успех было мало.

Вскоре он нащупал пыльные перила и ступени металлической лестницы. Они были крепки на ощупь, и Енс, убрав пистолет за пояс, начал подниматься вверх.

Одна, две, три, четыре – он невольно пересчитывал ступени и с каждым шагом подъема чувствовал оживавший ветер, который здесь, наверху, не казался таким холодным. Он свободно гулял между стальными конструкциями и забирался в трубы, наполняя их тихими заунывными звуками. Когда порывы были особенно сильными, трубы начинали играть, как чудовищный орган, и по спине Йодля пробегали мурашки.

Но вот наконец и смотровая площадка.

Йодль встал на нее обеими ногами и снова достал пистолет. Теперь ему предстояло только обойти вокруг водоохладителя, и человек на мусорной куче окажется у него на мушке.

Осторожно переступая ногами и придерживаясь за ограждения, Енс шаг за шагом выходил из-за угла, чтобы сделать свой верный призовой выстрел.

Вот и последняя, широкая труба, за которой должен был оказаться неизвестный. Йодль собрался с силами и, выглянув, увидел незнакомца совсем близко – в каких-то десяти метрах.

Человек стоял к охотнику спиной, и у Йодля была возможность застрелить его наверняка.

Однако легко сказать – застрелить. На самом деле что-то удержало Йодля и парализовало его волю. Решив для верности подойти ближе, он вышел из-за трубы и сделал еще несколько шагов.

Теперь свет от лунной планеты Моонзунд подсвечивал мишень, однако делал ее при этом какой-то расплывчатой. Йодлю уже стало казаться, что это только плод его воображения, а вовсе не живой человек. Сам не зная почему, Енс поднял голову и посмотрел на лунную планету, а когда снова взглянул на холм, там уже никого не было.

Йодль замер, прислушиваясь к стуку своего сердца. Теперь он уже не мог с точностью сказать, был здесь человек или нет. В любом случае тот не мог исчезнуть с кучи щебня беззвучно. Ведь мусор осыпался при любом неосторожном движении.

«Должно быть, ты немножко спятил, Енси», – сказал себе Йодль и, медленно развернувшись, пошел обратно.

Добравшись до лестницы, он немного постоял, прислушиваясь к жутким звукам, которые издавал скользкий в трубах ветер, а затем начал спускаться.

Оказавшись внизу, Йодль облегченно вздохнул и продолжил путь к транспортерам, поскольку теперь выпивка была ему еще нужнее, чем прежде.

После прогулки по лестницам он стал заметно лучше ориентироваться и больше не натыкался ни на какие препятствия. Уже добравшись до свалки транспортеров и заслышав тихие разговоры «местных», Йодль обернулся.

«Зря я это сделал», – тут же пожалел Йодль, поскольку на едва различимой вершине щебеночного холма снова стоял кто-то и теперь он был еще меньше похож на обычного человека.

28

Когда Йодль вернулся на свой пост, пьяный и по-прежнему злой, он застал напарника в полубоморочном состоянии. Пако сидел на земле, придавленный тяжестью зенитного комплекса, и почти не реагировал на слова Йодля.

– Эй, что с тобой? – начал расталкивать напарника Енс.

Однако Пако только лепетал что-то невнятное и вращал зрачками. Йодлю пришлось ответить бедняге несколько пощечин, прежде чем тот начал нормально ругаться и обрел способность говорить.

– Что случилось, почему ты в таком безобразном виде? – продолжал наседавать Йодль. Он принес напарнику водки, но теперь был повод выпить ее в одиночку – в виде наказания.

– Ты почему не на посту, а?

– Пошел в задницу! Я тут такое видел!.. – Пако всхлипнул и наконец поднялся на ноги. Енс помог ему, придерживая тяжелый комплекс, а затем и вовсе надел ранец на себя.

– Где «иждивенец»?! – строго спросил он.

Пако нагнулся, пошарил по земле руками и нашел устройство.

– Вот, – сказал он и глубоко вздохнул.

– На, подлечись, – смягчился Йодль, протягивая Пако полбутылки водки.

Тот припал к ней, словно путник в пустыне к источнику. Однако Йодль не дал опустошить всю бутылку и отнял ее.

– Хватит. Я сказал – подлечись. Что здесь было?

– Ты не поверишь, Енс. – Пако вытер губы и откашлялся. – Я видел призрака.

– Как он выглядел? – сам того не желая, спросил Йодль.

– Обыкновенно. Какая-то длинная черная одежда и развевающиеся волосы. И глаза горели...

– Ты... Ты не прав, Пако, – справившись с нервной икотой, произнес Йодль и сделал глоток из бутылки. – Даже на солдатских курсах проходят труды профессора Чмаггера. Этот парень очень здорово объясняет про всякие там выдумки и пережитки.

Йодль сделал еще глоток и зашатался под тяжестью комплекса.

– Но я видел этого призрака дважды! Он просто издевался надо мной, Енс!

Послышался шорох, и Пако, вздрогнув, начал озираться по сторонам.

– Повторяю: старина Чмаггер – свой в доску парень, и я ему верю, – настаивал Йодль. – Он ученый, а ученые, они ого-го...

– Да плевал я на объяснения этого Чмаггера! У нас в летнем доме один такой ученый снимал комнату, и ты знаешь, чем он занимался по ночам?

– Онанизмом?

– Если бы. Он ловил нашего кота и мочился на него.

– Просто он не любил животных, Пако, и таким вот образом демонстрировал свое к ним отношение.

Видя, что Йодль непрошибаем для слов, Пако замолчал, однако его напарник неожиданно продолжил:

– Видел я твоего призрака – ничего особенного. Случалось видеть и пострашнее.

– Так, может, того, Енс... – Пако еще раз огляделся по сторонам и перешел на шепот: – Может, слиняем в какое-нибудь укрытие, а? Отсидимся и под утречко вернемся – к приезду майора.

– От призраков укрытия нет, Пако, – уверенно произнес Йодль. – Это тебе не бомбы MX2. И вообще, трусить не по-мужски.

И с этими словами Йодль допил остатки спиртного.

29

Время перевалило за полночь, а окно полковника Штюсса все не гасло. Майор Казански обеспокоенно поглядывал на свои часы и постоянно извинялся перед помощником Меркано:

– Штюсс недавно развелся, поэтому ему некуда спешить. Счастливчик он, вам не кажется?

Бригадир О’Лири понятиливо кивал. Его тоже никто не ждал в холостяцкой квартире, и при случае он старался вообще там не ночевать. Уж лучше остаться у какой-нибудь платной дамы или вообще пить до упаду – если, конечно, не было работы.

– О, кажется, и его допекло, – заметил Казански, увидев, что окно в штабном корпусе погасло.

– Может, ему и деньги теперь не нужны, раз он развелся? – спросил О’Лири.

– Да ну что вы? – Майор даже головой тряхнул, словно избавляясь от нелепой мысли. – Деньги нужны и семейному, и разведенному. Это факт природы – закон бытия.

О’Лири улыбнулся. Ему показалось странным, что армейский майор цитирует Оренфуса. Сам бригадир читал довольно много и слыл самым интеллигентным бандитом в городе. Это признавали даже в кланах конкурентов.

Был, правда, еще один парень из команды Кафи. Он писал стихи, а по основной специальности был ликвидатором. Работал поэт только ножом, и это накладывало отпечаток на его творчество. О’Лири читал несколько стихотворений этого человека и нашел их забавными. По крайней мере, чувствовалось влияние раннего Ульриха Генно или даже Саваро.

– Ну вот и он, – взволнованно произнес Казански, и О’Лири заметил на его лбу мелкие бисеринки пота.

Майор уже заработал сегодня три тысячи кредитов, но ему очень хотелось еще.

– Я выйду, – сказал Казански и, выбравшись из машины, зашагал наперерез полковнику. – Привет, Майк! – услышал О’Лири приветствие майора.

– Эдди? Что ты здесь делаешь?

– Тебя жду – по делу. – Казански понизил голос почти до шепота, и О’Лири едва разобрал: – По важному делу. Пойдем сядем в машину.

– Вообще-то уже очень поздно.

– Пойдем, Майк, ты не пожалеешь.

Полковник постоял в нерешительности, затем пожал плечами и шагнул к машине. Вскоре он оказался в просторном салоне автомобиля прямо напротив бригадира.

– Здравствуйте, – на правах хозяина вежливо поздоровался тот.

– Здравствуйте, – ответил Штюсс и вопросительно посмотрел на Казански.

– Видишь ли, Майк, это мистер О’Лири. Он представляет очень важных людей в городе, вплоть до мэра, и этим самым людям нужна твоя помощь... – Майор неловко улыбнулся. – Естественно, не бесплатно.

Штюсс помолчал пару секунд, а затем сказал:

– Значит, это правда, что про тебя говорят, Эдди?

– А что про него говорят? – О’Лири быстро пришел на выручку Казански.

– Говорят, что он имеет дело с темными личностями, – упрямо произнес полковник, сознательно задирая бригадира.

– Мистер Штюсс, – голосом психоаналитика заговорил О’Лири, – развод – это еще не смерть. Развод – это только некая печать, временная печать, я вас уверяю. И не стоит искать для себя каких-то испытаний... Тем более что она к вам обязательно вернется...

– Вы действительно так думаете?! – Штюсс подался вперед и невольно схватил О’Лири за руку.

– Безусловно. Ей нужно все взвесить, подумать и как следует разобраться в себе, а на это необходимо время.

Полковник молчал, уставившись на свои форменные ботинки. Затем поднял голову, и теперь его глаза казались ожившими.

– Чего вы хотите? – спросил он.

– Нужно совершить перехват, Майкл, – вступил в переговоры Казански. – Достаточно двух легких истребителей «скайкэт».

– Но, надеюсь, это не пассажирский аэробус?

– Ну о чем ты говоришь, Майк, – делано возмутился Казански, – мы же не террористы. Я же тебе говорил, что мистер О'Лири представляет уважаемых людей. Перехватить нужно небольшой летательный аппарат, предположительно – лонгсфейр, на котором попытаются сбегать двое опасных преступников. Между прочим, на них уже есть ориентировка в полиции.

– Все совершенно законно, полковник, – поддержал Казански О'Лири. – Просто у нас в этом деле есть своя заинтересованность, а у вас – своя.

С этими словами бригадир открыл небольшой чемоданчик, в котором лежало несколько пухлых денежных пачек.

30

Восемнадцать лучших специалистов Лео Бражника, распределенные по парам, сидели в засаде. Одной из пар были Гао и Блингштофф, которые упустили клиентов возле компакт-хауса и теперь были полны желания восстановить свою пошатнувшуюся репутацию.

– Нас перестали уважать, Гао, – жаловался накануне своему напарнику Блингштофф. – Все считают, что мы задницы.

– Знаю, – отвечал Гао, – но эти ребята навалили не одним нам. Других вообще поджарили.

Тем не менее Гао тоже жаждал реванша и в эту ночь впервые не прикладывался к спиртному, хотя воздух был холодный, а в ботинках хлюпала сырость. А еще его мучили угрызения совести.

– Ты знаешь, Блинги, возьми я чуть правее, и их песенка была бы спета, – все время говорил он, а на протяжении ночи повторил эту фразу раз пятьдесят.

Блингштофф молчал, слушая напарника, и следил за одним из солдат-зенитчиков, который шлялся от поста к посту и кланчил спиртное.

И еще фамилия у него была какая-то дурацкая – Йодль. Глупее трудно придумать. В этом Блингштофф был просто уверен.

– Вот что, Гао, – сказал он вдруг под самое утро. – Давай-ка мы с тобой малость здесь все разведем.

– Где? – не понял одуревший от бездействия и сырости Гао.

– А здесь. – Блингштофф сделал неопределенный жест, словно собирая в руку ржавые нагромождения и тяжелый туман, выползавший из всех углов. – Если эти гады просидели всю ночь тихо, значит, попытаются смыться утром – как рассветет.

– Бражник говорил, у них самолет...

– Не самолет, а лонгсфейр, – со значением произнес Блингштофф. – Кстати, ты знаешь, что твой однофамилец промазал в этих ребят с трех метров?

– Какой однофамилец?

– Гучеа.

– Ну сказанул – то Гучеа, а то Гао.

– Неважно. Главное, что он с трех метров засадил в кабину заряд из кувертины.

– И что?

– Разбил им окна, – усмехнулся Блингштофф. – Ну так ты идешь?

– А чего нам остается?

Гао поднялся, одернул куртку и проверил автоматическую винтовку. Затем посмотрел на небо, которое быстро светлело.

– Предлагаю пройти до висячей балки, потом подняться на парапет и дойти вон до тех хреновин, – наметил план Блингштофф.

– Эти хреновины, Блинги, называются воздухоосушка.

– А ты почему знаешь?

– Я ж трудовое училище оканчивал. Ну ладно, пошли.

Осторожно переступая по камням, они добрались до невысокой бетонной стены, однако то, что издали выглядело как металлическая лестница, оказалось куском скрученной арматуры.

Отступать было уже поздно, и напарники все же взобрались на стену, перепачкав всю одежду.

– Да тут целая дорога, – заметил Блингштофф. – Такое ощущение, что эту тропку здесь натоптали.

– Похоже на то, – шепотом ответил Гао и осмотрелся. – Сдается мне, Блинги, что мы на верном пути.

И приятели пошли дальше. Теперь они практически крались, выставив оружие перед собой, поскольку вокруг появлялось все больше признаков пребывания людей – окурки, бутылки и банки из-под пива. Все это выглядело достаточно свежим.

Вскоре слева потянулся ряд металлических двустворчатых дверей. Некоторые были покрашены, что только доказывало обитаемость здешних мест.

– Боксы, – тихо сказал Гао.

– Чего?

– Я говорю, боксы – здесь стальные чушки по температуре выдерживали.

– А зачем? – спросил Блингштофф, поводя стволом автомата из стороны в сторону.

– Кто его знает... Это по технологии положено, чтобы какое-то в них зерно росло, цементовое.

– Ладно брехать, пролетарий, – прошептал Блинг–штофф и остановился.

– Ты чего?

– А ты не слышишь? – Блингштофф встал на колени и прицелился куда-то в молочную пелену тумана.

Гао прислушался. Ему показалось, что он различает какой-то скрип. Звук становился все отчетливее, а затем в каких-то сорока метрах впереди открылась одна из бесчисленных дверей.

Гао тоже поднял винтовку и привычно задержал дыхание. Теперь он не собирался давать мишеням ни одного шанса.

31

В туго облегающем костюме Лу чувствовал себя весьма скованно. Под мышками давило, в паху стесняло, и даже чтобы вздохнуть, требовалось приложить дополнительные усилия.

– Послушай, в них же неудобно, – наконец выразил свое отношение Эрвиль.

– Это ходить неудобно, а сидеть на айрбайке очень удобно. Надень шлем, его нужно подогнать по голове.

– Пожалуйста.

Лу с трудом просунул голову в пластиковую скорлупу и почувствовал себя еще отвратительнее. К тому же тот, кто носил этот шлем прежде, обожал коричневую жвачку. А Лу запах корыцы совершенно не переносил.

– Ой, Джим! – пожаловался он. – Меня сейчас стошнит.

– Даже и не думай, – серьезно ответил Кэш. – Моментально захлебнешься.

– Но что же мне делать?! – запаниковал Лу.

Его голос, искаженный акустической мембраной, звучал как из испорченного динамика.

– Заткнись. Сейчас я подгоню тебе шлем, а то он на голове болтается.

– Какое там болтается, Джим! Он мне мал!

– Нет, Лу. Его нужно подтянуть сильнее. Если будет хоть небольшая щелочка, тебе потоком воздуха может запросто башку оторвать.

– Ты это серьезно?

Лу осторожно ощупал шлем и подумал, что, пожалуй, Джим прав и крепления следует подтянуть.

После всех необходимых подгонок, которые Кэш производил со всей ответственностью, у Эрвиля появилось такое ощущение, что циркуляция крови в его теле прекратилась. Однако на этом неудобства не закончились. Джим достал банку с ламизитом – густой жидкостью отвратительного непрозрачно-серого цвета – и, приказав Лу стоять смирно, начал мазать его с помощью большой кисти.

Через несколько минут обмазано было все, кроме перчаток, обуви и сиделищной части, поскольку там требовалось как раз наилучшее сцепление.

После этого Джим намазал себя, и только спину ему кое-как размалевал Лу, вспотев при этом так, будто отработал в одиночку смену на заводе.

– Ну и что теперь, Джим? – спросил он.

– Теперь пора в путь. Вещи мы сложили, аппарат я проверил. Если все будет хорошо, через час будем в Ималте. А через полтора – в Дро.

Сквозь толстое стекло шлема Кэш подмигнул Лу и, указав на рычаги платформы, на которой стоял лонгсфейр, сказал:

– Впрягайся.

А сам подошел к дверям и, открыв все запоры, смело распахнул створки. В бокс тут же хлынул стылый утренний воздух и, встретившись с теплом, за клубился по полу серым туманом.

– Навалились! – прогудел из шлема Джим и, встав рядом с Лу, надавил на рычаг.

Платформа тронулась с места и покатила к выходу, а стоявший на ней лонгсфейр поплыл, словно морской корабль.

Лу тяжело сопел и с непривычки плохо ориентировался. Он только реагировал на команды Джима и разворачивал платформу то влево, то вправо.

– Ну что, садимся? – нетерпеливо спросил Лу.

Покинув надежные стены бокса, он стал испытывать непонятное беспокойство.

Пока Кэш совершал последние приготовления, Эрвиль оглянулся и не сразу понял, что видит двух людей, наставивших на него автоматы.

– Жи-и-им!!! – что есть силы завопил он, и в это время прозвучал залп.

32

Наверное, Блингштоффу следовало выстрелить сразу, но его разобрало любопытство – уж очень необычно выглядел выплывающий из бокса аппарат. А злоумышленники, наряженные в какую-то блестящую резину, напоминали ему лысых морских свинок.

«Козлы, – про себя выругался Блингштофф, успев подумать и о том, что Гао не стреляет, потому что, облажавшись в прошлый раз, ждет команды от своего товарища. – То-то же, осторожный сучонок».

Блинги уже готов был нажать на курок, когда Гао вдруг резко дернулся и повалился на своего напарника, паля на лету в небо и издавая какое-то странное шипение.

Он весил довольно прилично и почти размазал Блингштоффа по земле.

– Своло-о-очь! – завыл от злости и боли Блинги, отчаянно суча ногами и пытаясь подняться.

Наконец он выбрался из-под тела Гао и увидел, что глаза напарника неподвижно смотрят вверх, а из шеи, с левой стороны, торчит какая-то стальная штука, вошедшая по самый стабилизатор.

Между тем «лысые морские свинки» уже забрались на свою штуковину, завели ее и вот-вот собирались удрать. Блинги вскинул автомат в надежде пристрелить мерзавцев, однако получил в плечо дротик. Из упрямства он все же нажал на курок, но его пули только вонзились в стены, выбив никому не нужные искры, а на крыше ближайшего бокса снова появился враг – страшный и непонятный. В руке врага блеснуло еще одно жало, и Блингштофф повалился на спину.

Тем временем турбины лонгсфейра стремительно набирали обороты, и вскоре их жуткий рев начал заглушать выстрелы, которые раздавались отовсюду.

Словно подвешенный на веревочке, аппарат покачнулся и стал отрываться от платформы, колотя по земле струями спрессованного воздуха.

Выстрелы Блинги и шум взлетавшего лонгсфейра повергли в панику всех, кто провел эту ночь в засаде. Измотанные холодом и вынужденным пьянством, бандиты дремали кто где, и теперь, застигнутые врасплох, они вопили что есть мочи и на всякий случай стреляли в воздух.

Вместе с остальными пробудились Йодль и Пако. Поначалу они не могли сообразить, на ком из них надет комплекс. Оказалось, что на Йодле. Тогда он, с трудом распрямляясь на онемевших ногах, стал орать, чтобы Пако нашел «иждивенца»:

– Скорее, Пако! Скорее, а то они уйдут!

Рев лонгсфейра становился все громче, а Пако лихорадочно шарил по земле, пока наконец не воскликнул:

– Есть «иждивенец», Енси! Есть!

– Запускай! – хрипло скомандовал Йодль, припадая глазом к окуляру и нажимая кнопку готовности.

Тотчас на раме застрекотал небольшой механизм, и направляющие мягко легли на плечи Йодля.

В ту же секунду, шелестя, словно пушечное ядро, в небо стартовал СПУН. Вращаясь с немыслимой скоростью, он поднялся на заданную высоту и замер, а Йодль тотчас увидел несущуюся по экрану метку и счастливо засмеялся:

– Я вижу его, Пако! Я вижу его!

– Стреляй, как только сможешь! – возбужденно выкрикнул напарник и, отскочив в сторону, прикрыл уши ладонями.

– Пошла собака... – любовно произнес Енс и вдавил кнопку старта.

Правая ракета рванулась вперед, и в ноздри ударил запах горелого топлива.

– Пошла вторая, – сказал Йодль и выпустил последнюю ракету.

Снаряды стремительно понеслись к цели, а умный «иждивенец» парил в воздухе и давал им ценные указания.

Еще мгновение, и в небе полыхнул яркий разрыв, и во все стороны полетели горящие обломки. Вторая ракета сдетонировала от взрывной волны первой, но это уже не имело никакого значения. Пако ликовал, а Йодль только устало улыбался. Он чувствовал себя счастливейшим из людей и снисходительно поглядывал на тупых бандитов, которые продолжали скакать по развалинам и палить в окна, воюя неизвестно с кем.

«Все эти штатские – никчемные люди», – подумал он, почему-то вспомнив свои ночные похождения.

Поиск выпивки и охота за призраком – теперь все это казалось таким далеким.

33

Едва поднявшись над землей, лонгсфейр выпустил форсажные струи и стал разгоняться с таким ускорением, что Эрвилю показалось, будто его желудок переместился в горло.

Под ногами проносились изогнутые металлические конструкции, похожие сверху на почерневшие за зиму сорняки. Сквозь тошноту и хлесткие удары ветра Эрвиль ухитрился испытать некий восторг и, повернув тяжелую голову, заметил удивительную картину – от стоящего вдали маленького человечка вдруг потянулась полоска белого дыма, которую, словно иголка нитку, тянула за собой черная точка.

Лу еще не успел объяснить себе этот феномен, когда лонгсфейр провалился вниз и проскочил между какими-то спутанными железками. Белая нитка потянулась следом и неожиданно расцвела пунцовым цветком, натолкнувшись на препятствие. Почти тотчас же полыхнула вторая вспышка, такая же красивая, как и первая. Лу воскликнул про себя: «Ух ты!» Секундой позже до него дошло, что это было на самом деле, и он с опозданием испугался.

Между тем внизу промелькнули пустынные дороги необустроенных пригородов, и лонгсфейр пошел вверх, видимо, чтобы обезопасить себя от зенитного огня. Лу крепче вцепился в поручни и пригнулся к спине Джима, который постепенно наращивал скорость.

Терпимые поначалу толчки налетающего ветра превратились в подобие мелкого песка, который шелестел по комбинезону словно наждак, ощутимо разогревая поверхность.

Аппарат скользнул вправо, и Лу понял, что Джим рулит в сторону Ималты. А потом Кэш сбросил скорость ровно настолько, чтобы перестали греться комбинезоны, и Лу, осмелев, снова стал поглядывать по сторонам, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

Все вокруг выглядело очень красиво – и уходящие к горизонту овраги, и бегущие по пыльным дорогам машины, и чахлые всходы на немногочисленных полях. Даже птицы и те прекрасно вписывались в картину солнечного утра – это были большие птицы, они покачивали крыльями и стремительно приближались к лонгсфейру.

Лу не успел предупредить Кэша, но тот, похоже, имел глаза на затылке. Аппарат вовремя провалился вниз, пропуская над собой цепочку реактивных снарядов.

Истребители пронеслись совсем рядом, и Лу показалось, будто он рассмотрел клепки и ячеистую поверхность противоманитного покрытия.

«Накрылась Ималта, – подумал он. – Теперь точно накрылась». И зажмурился крепко-крепко, чтобы не так страшно было умирать.

34

Едва лейтенанты Эверхардо и Пенкрофт заступили на дежурство, как прозвучала тревожная сирена. Они еще расписывались в журнале инструктажа, когда заварилась вся эта каша.

– Ты чего-нибудь понял? – удивленно спросил Эверхардо.

– Не-а, – покачал головой Пенкрофт.

Слишком неожиданным казалось то, что тревога может прозвучать, когда в желудке еще лежит непереваренный завтрак.

– Чего стоите, придурки?! – закричал полетный старшина. – Быстро к самолетам!

И только тогда в головах пилотов включился отработанный механизм и они понеслись на взлетную полосу, где предупрежденные механики уже нагоняли пар в стартовые катапульты.

– «Скайкэт-один», – послышался в наушниках голос начальника смены.

– «Скайкэт-один» слушает, – отозвался Пенкрофт, подключая разъемы шлема к бортовому компьютеру.

– Слушай задание. Необходимо перехватить и уничтожить легкий самолет или айрбайк. Точно пока неизвестно. Координаты выхода цели получите после взлета. Удачи!

– Спасибо, сэр! – взволнованно отозвался лейтенант Пенкрофт.

Он еще ни разу не летал на боевой перехват, а на учебных занятиях все заканчивалось расстрелом глупых мишеней. Они обычно демонстрировали завидную неуклюжесть, и стрелять в них было скучно.

– Ну что, командир, ты рад? – послышался в эфире голос Эверхардо.

– Не то слово, старик! Не то слово.

– «Скайкэт-один», «Скайкэт-два», готовы? – осведомился стартовый механик.

– Готов!

– Всегда готов!

– Тогда старт, – будничным тоном произнес механик.

И тотчас истребители сорвались с места и, разогнавшись по направляющей, выстрелили в небо точно стрелы.

Запустив двигатели и доложив о благополучном взлете, двойка «скайкэтов» получила примерные координаты на словах:

– Это где-то в квадрате ЕР-12-16, недалеко от развалин какого-то завода.

– Спасибо, сэр, – не сдерживая недовольства, отозвался Пенкрофт.

Он понимал, что с такой наводкой найти крохотный айрбайк не так легко.

Впрочем, цель появилась сама, и совершенно неожиданно. Пенкрофт засек ее по радару, а затем и визуально.

– Справа внизу, Дик, видишь? – спросил он ведомого.

– Да, командир, позиция отличная. Кто первый?

– Понятное дело – я.

– Но если ты промажешь...

– Не надейся, Дик.

Пенкрофт включил систему наведения, и та захватила цель. Следовало действовать быстро, поскольку скорость истребителей была очень велика. Командир пары мог развернуться и сделать верный заход, чтобы расстрелять цель с гарантией, однако перед лицом своего коллег позориться не хотелось. Индикатор загорелся зеленым огоньком, и лейтенант открыл огонь.

Пушка выпустила длинную очередь, и та понеслась к цели, однако неожиданно скоростной лонгсфейр – теперь Пенкрофт точно определил тип аппарата – сорвался в пике, и снаряды

прошли стороной. В следующие мгновения и пара истребителей пронеслась мимо уходящего противника, а Эверхардо тут же напомнил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.